

А.А. Михайловский-Данилевский

ОПИСАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ в 1812 году

—•••—
Военная история России

Александр Михайловский-
Данилевский

**Описание Отечественной
войны в 1812 году**

«Яуза»

2008

Михайловский-Данилевский А. И.

Описание Отечественной войны в 1812 году /
А. И. Михайловский-Данилевский — «Яуза», 2008

Книга Михайловского-Данилевского является первым полномасштабным трудом по истории Отечественной войны 1812 года. Эта работа, не переиздававшаяся более 150 лет, до сих пор является одним из главных источников для исследователей эпохи Наполеоновских войн. Эту книгу неоднозначно оценивали более поздние исследователи, с ней спорил Толстой, многие считали, что Михайловский-Данилевский лишь ограничивался описанием боевых действий, не проводя их анализ с точки зрения военного искусства, однако ни одна из работ по истории 1812 года не обходилась без цитаты из его труда. Написанная прекрасным литературным языком, эта книга должна обязательно присутствовать на книжной полке любого уважающего себя военного историка – любителя или профессионала.

© Михайловский-
Данилевский А. И., 2008
© Яуза, 2008

Содержание

Предисловие	6
От начала войны императора Александра с Наполеоном до 1811 года	8
Происшествия 1811 года	18
От января до мая 1812 года	27
Исчисление армий Наполеона и императора Александра	37
Пехота	42
Кавалерия	43
Артиллерия	44
Пионерные полки	45
Гарнизоны	46
Последнее время перед войной	54
Вторжение Наполеона в Россию	58
От вторжения неприятелей в Россию до отступления русских от Вильны	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

А. И. Михайловский-Данилевский

Описание Отечественной войны 1812 года

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ

сочиненное

Генерал-Лейтенантом Михайловским-Данилевским

Санкт-Петербург

Печатано в Военной Типографии 1839

**ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССИИ**

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО едва выходили из отроческих лет, когда Запад Европы, ведомый не побежденным дотоле завоевателем, нахлынул на страну, ныне врученную ВАМ Богом. Невзирая на юность возраста, ВЫ рвались разделить с доблестным воинством труды и славу, многократно, убедительно просили Державного Брата и Родительницу ВАШУ о соизволении Их лететь на бранное поле. Но нежная о ВАШЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ попечительность Императора Александра и материнская заботливость Императрицы Марии Федоровны допустили совершение пламенных желаний ВАШИХ не прежде, как в то время, когда Русские знамена развевались на Рейне. Покорствуя воле Монарха и воле незабвенной ВАШЕЙ Родительницы, ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО были лишены возможности действовать лично в Отечественной войне, где Император Александр отстаивал Свое Царство и независимость других Государств; но ВЫ участвовали в ней и сердцем и мольбами. ВЫ скорбели о напастях, которыми, при начале нашествия, Провидение постигло Россию. Потом, когда Бог благословил победой оружие Александра, ВЫ возносились душой, в радостном восторге к Всевышнему. В ВАШЕЙ душе, ГОСУДАРЬ, живы, свежи, неизгладимы воспоминания Отечественной войны. Они дороги ВАМ, как Русскому, как Царю России, как Державному Брату Спасителя России и Европы. ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ угодно, чтобы великие сказания о 1812 годе собраны и сохранены были для грядущего потомства. Воздвигая на полях Русской славы вековые памятники в прославление Отечественной войны, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО соблаговолило повелеть – составить описание сей достопамятной эпохи в духе правды и беспристрастия, описание, основанное на подлинных актах, на непреложных свидетельствах. Счастливей жребий быть исполнителем Высочайшей ВАШЕЙ воли пал на меня. С благоговением дерзаю повергнуть труд мой священным стопам ВАШИМ,

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Верноподданный Генерал-Лейтенант Михайловский-Данилевский

Предисловие

Призванный волей Монарха на труд, представляемый ныне моим соотечественникам, долг мой был выполнить, по мере сил, в возможной полноте, Августейшее повеление, которым был осчастливлен. Описывая только Отечественную войну, я полагал излишним повесть о том, как возникло среди волнений Европы исполинское могущество, мечтавшее о всемирном преобладании, но счел необходимым изложить, как образовались на Западе бури, разразившиеся над Россией в 1812 году. Обстоятельства, предшествовавшие войне, доньше не были никем представлены в их настоящем виде. Неведение существа дела укоренило ложное мнение, что с Тильзитского мира политика России состояла только в угодливости Наполеону. Оттого пала на сей период нашей Истории какая-то мрачная тень. Ложное мнение надобно было опровергнуть и тень стереть, объясняя истинные причины Тильзитского мира, последовавшим за оным союзом с Наполеоном и спорные статьи между ним и Россией.

Статьи сии послужили Наполеону предлогом к нашествию, личиной, под которой таились его замыслы о всесветном обладании; для Императора Александра они были случаями являть достоинство Русского Монарха в то время, когда все Державы твердой земли поникли главой перед завоевателем. И потому еще надобно было представить обзор происшествий от Тильзитского мира до 1812 года, что они составляют необходимое, естественное вступление в Отечественную войну. Без них не будет полна и сама картина войны, ибо в продолжение ее неоднократно являются случаи, где должно обращаться к сношениям России с чужестранными Дворами.

Вскоре после вторжения неприятелей в наши пределы театр войны разделился: главные армии потянулись в глубь России; боковые остались на Волыни, в Литве, у Полоцка и Риги. Но война не ограничивалась местами, где находились войска: столбовой дорогой из Ковно до Москвы, берегами Двины, путем из Луцка до Бреста, от Буга до Березины. Отечественная война была борьбой, где участвовала вся Россия. Когда 500 000 наших воинов бились с толпами Запада, пятьдесят миллионов Русских не были праздными зрителями, сложа руки в ожидании, чем решится роковой спор: кому быть, кому не быть? Все ополчались или готовы были ополчиться, положить живот за Веру и Царя и не пережить плена, не потерпеть порабощения! Потому невозможно отделять военных действий от того, что совершалось внутри Империи. Внутренняя Жизнь России в 1812 году представляет великолепное зрелище. Пройти молчанием общее воспламенение душ, повсеместные усилия против грозившего нам иноплеменного ига значило бы отнять от войны 1812 года коренное ее достояние, а у Русского народа одно из первых прав на благоговение потомства. Таким образом, составленное мной Описание Отечественной войны должно состоять из трех, неразрывно между собой связанных частей: дипломатической, военной, внутренней. Но сии части получали направление и душу из одного источника, от одного Верховного Двигателя – Императора Александра. Вся Отечественная война есть бессмертный памятник Благословенному, гимн во славу Его, и нам ли, близким Его потомкам, взрожденным под Его знаменами, устранять какую-либо подробность о том, в каком величии являлся Он в отношениях Своих к иностранным Дворам, как в 1812 году Он был светилом, все согревавшим, все одушевлявшим, с одной целью – говоря Его словами: *Отомстить за оскорбленную честь Отечества!*

Таков *был* план, исполнить который тщился я усердно и ревностно. Имевши, по Высочайшей воле, доступ во все без исключения архивы, я не оставил ни одного, которого не изучил бы, и, кроме того, входил в переписку с начальствами от Архангельска до Крыма, от Гродно до Иркутска; спрашивал духовных и мирян, тех, кто был прикосновен к делам, близок к Императору Александру или призван к Наполеону. Словом, я старался не упустить ни одного источника, откуда можно было почерпать сведения, поверяя и сличая взаимно их достоверность.

Некоторые частности мне самому были коротко знакомы: находясь при Генерал-Фельдмаршале Князе Михаиле Илларионовиче Кутузове-Смоленском, я удостоивался иногда его доверенностью.

Действия каждой из армий и каждого из отдельных корпусов описаны с одинаковой подробностью, как с нашей, так и с неприятельской стороны. Главные сражения, частные дела и вообще все движения войск пояснены 96 картами и планами. В сочинении, предпринятом по священному велению Монарха, единственным руководством должна была быть истина, без всяких прикрас. Да и прилично ли, по прошествии более четверти века, говорить обиняками, намеками, клеветать на побежденных, когда годы и могилы отмежевали нас от них, и после победы скрывать наши неудачи, неизбежные в каждом походе? Там, где решался вопрос: оставаться ли России в ее величии или снизить на стезю второстепенных Держав, в деле, близком сердцу каждого Русского, нет случая, который дозволено бы было переиначить, нет личностей, у которых чувство в истине не должно было победить.

Критическая военная история не была моей целью. Оставим ее военным схоластическим преподавателям стратегии и тактики. Другая цель была у меня: представить по возможности правдивое изображение события, которым кончились происшествия предшествовавших 20 лет, после коего даровал Император Александр новое политическое бытие Государствам и начался новый период могущества России. Стараясь составить Описание, основанное на неопровержимой истине, я везде подкреплял рассказ мой ссылками на документы, везде приводил, без малейшей перемены, собственные слова действовавших лиц, их суждения, их взгляды на дела, их виды в будущем, почему они поступали так, а не иначе. Пусть исторические лица сами за себя говорят, пусть они сами повествуют о нашем славном 1812 годе, пусть оживают они перед потомством самобытной, подлинной своей жизнью.

Издаваемое ныне в свете Описание Отечественной войны составляет одно неразрывное целое. Если рассматривать главы его порознь, не в связи одни с другими (особенно в первой части), иное может показаться темным, другое лишним, но все объясняется и сливается постепенно, по мере того как многосложный ряд событий принимал разные виды и изменения, война совершалась и происшествия созревали. Все сочинение есть не что иное, как развитие великой мысли Александра, часто Им повторенной: «Война 1812 года была последней борьбой за независимость – Государству надлежало погибнуть или победить!»

От начала войны императора Александра с Наполеоном до 1811 года

Первая война в 1805-м. – Вторая война в 1806-м и 1807-м. – Сношения с Австрией. – Сношения с Англией. – Причины Тильзитского мира. – Разрыв России с Англией и Швецией. – Свидание в Эрфурте. – Война 1809-го. – Охлаждение союза России с Францией. – Отказ Наполеона ратифицировать конвенцию о Польше. – Начало замыслов Наполеона о всемирном преобладании. – Насильственное присвоение им земель. – Присоединение Ольденбурга к Франции. – Споры по Ольденбургу. – Протест России. – Разномыслие Императора Александра с Наполеоном насчет торговли. – Торговое постановление России в 1811-м. – Споры за торговое постановление. – Начало вооружений России и Франции. – Причины к нашествию на Россию.

Война 1812 года навсегда останется незабвенной, как повесть событий, беспримерных в летописях военных, как память великого подвига Императора Александра и любви к Нему и отечеству Русского народа. Но не тем только будет бессмертна наша Война Отечественная: она довершила собой ряд происшествий, дотоле неслыханных, и начала новую эпоху в истории Государств. Для полного уразумения Отечественной войны необходимо обозреть происшествия, коими была она приуготовлена, события, вследствие коих двинулись ополчения Запада в недра Русской земли и совершились судьбы Бога в 1812 году, столь дивные, что самый Победитель знаменовал их словами: «Не нам, не нам, а имени Твоему!» Изображаем их здесь, предварительно, в кратком очерке.

Едва прошло четыре года со вступления Императора Александра на престол, как война между Англией и Францией, ненадолго прекращенная мирными договорами в Амьене и Люневиле, снова возгорелась. В ней приняли участие и другие Государства. Гром гремел еще далеко и, казалось, не угрожал России; да и нельзя было предполагать опасности для нашего отечества, потому что везде господствовало мнение, основанное на опыте веков, о невозможности вести с успехом наступательную войну внутри России. Но страсть к завоеваниям, которая начинала обнаруживаться в том, кто присвоил себе тогда верховную власть во Франции, внушала опасение насчет будущей участи Европейских Держав и равновесия сил между ними. Император Александр хотел согласить воюющие стороны и склонить их к миру. Старания Его не имели желаемого успеха, и Он двинул, в 1805 году, армию на помощь Австрии. Так началась первая кровавая встреча Александра с Наполеоном.

Еще до прибытия Русских войск Австрийцы были разбиты под Ульмом. При всех усилиях со стороны Русских нельзя было изменить тогдашнего положения дел. Император Франц подписал в Пресбурге предложенный ему неприятелем мир, в котором Александр не принял никакого участия, ибо имел намерение помогать Австрии только до тех пор, пока она будет продолжать войну. Русские войска возвратились в пределы Империи. В течение сего кратковременного похода Государь всячески склонял Пруссию к совокупному действию с обоими Императорскими Дворами. Пруссия не вняла Его увещаниям и предпочла остаться нейтральной.

Одна из статей Пресбургского мира определяла срок, в который французские войска должны были очистить Германию и возвратиться за Рейн; но Наполеон, намереваясь утвердить свое влияние в Немецкой земле, не выводил из нее войска под разными предлогами. Самый главный состоял в том, что Русские занимали Каттаро дольше срока, определенного Пресбургским миром. Австрия не могла подлежать за то никакой ответственности и не была обязана понуждать Русских к оставлению Каттаро; но, опираясь единственно на сей предлог, Наполеон удерживал за собой Австрийскую крепость Браунау, а между тем занимался учрежде-

нием Рейнского Союза и, желая вовлечь Пруссию в раздор с Англией, склонил ее на уступку Аншпаху, взамен коего отдал ей принадлежавший Англии Ганновер. Англия и союзник ее Шведский Король объявили Пруссии войну.

Император Александр, озабоченный таким положением Пруссии, которую, после поражений Австрии, почитал единственным оплотом против Франции, вознамерился еще раз попытаться о сохранении мира на твердой земле. Для переговоров послан был в Париж чиновник, с повелением, однако, не заключать никакого соглашения без участия находившихся тогда в Париже Английских полномочных, потому что Государь условился с Королем Георгом действовать заодно. Хотя посланному даны были точные и определенные наставления, но, несмотря на то, он подписал, 8 Июня 1806 года, договор без ведома Английских уполномоченных. И этого было уже достаточно для непризнания договора, в котором, сверх того, нашлись статьи, по мнению Императора, несовместимые с достоинством Его Державы. Государь отвергнул договор, и взаимные отношения России и Франции остались в прежнем сомнительном положении. Между тем Наполеон воспользовался затруднительным состоянием Пруссии, до которого довело сие Государство. Его требования беспрестанно возрастали, и Король Прусский, увидев наконец, что одна часть его владений окружена Французскими войсками, а другой угрожало их вторжение, не хотел долее потворствовать Наполеону и объявил решительное намерение защищать свои права и независимость, не требуя никаких возмездий, и начать военные действия, если в определенный срок не получит удовлетворения. Когда война Пруссии с Наполеоном казалась неизбежной, Государь послал ей на помощь большую часть Своей армии; но, узнав о последствиях Йенского сражения, велел войскам остановиться на правом берегу Вислы.

Не находя на пути своем препятствий, Наполеон быстро подвигался вперед и в Декабре 1806 года встретился с Русскими. Семь месяцев продолжалась с ним война, в продолжение коей Государь обращался к Дворам Венскому и Лондонскому, приглашая Австрию к участию, от которого могла она ожидать вознаграждение за свои потери, и вызывал Англию деятельно помогать России.

Вся важность тогдашних обстоятельств была изображена Государем Австрии: ей ясно указано было, с одной стороны, на неминуемую опасность, с другой – на славу и верные выгоды. Невзирая на самые очевидные доказательства, она не трогалась, оправдывая свое бездействие недостатком времени для устройства армии и приведения в порядок финансов. Венский Двор оказывал, однако же, готовность соединиться с Россией и почти положительно уверил Государя, что объявит войну Франции в половине Мая. Приблизился срок, и Австрия снова извещена была об опасности, какой она подвергнется, если Россия заключит мир с Францией, но Венский Двор ограничился одним предложением своего посредничества воюющим Державам. Оно было принято, но не имело успеха. Между тем Государь заключил с Королем Прусским, в Бартенштейне, условие, с точностью определяя цель войны и средства довести ее до желаемого конца. Бартенштейнский договор, долженствовавший внушить Австрии полную доверенность, был ей немедленно сообщен, и при сем случае Государь возобновил самые убедительные настояния о содействии России. Все было тщетно. Венский Двор объявил, что Австрийские войска прежде трех лет, то есть ранее 1809 года, не могут быть поставлены на военную ногу. Такой ответ лишил Государя надежды на участие Австрии, на которую до тех пор имел Он причины с уверенностью полагаться.

Старания Императора Александра расположить к войне Англию также не имели успеха, несмотря на то что со стороны Великобритании, находившейся в разрыве с Францией, помощь Державам твердой земли была весьма вероятна: Английское Правительство не изъявило готовности соответствовать домогательствам России и даже принимало равнодушно ее предложения. При начале войны Государь объявил, что не возьмет от Англии вспомогательных денег, а только желает при посредничестве ее сделать в Лондоне заем в 6 миллионов фунтов стерлин-

гов; но и тут Английское Министерство отказало в содействии, и заем не состоялся. Государь несколько раз ходатайствовал, чтобы Лондонский Двор оказал денежное пособие Пруссии, находившейся в самом затруднительном положении. Долго не давали Англичане удовлетворительного ответа, и, когда согласились сделать ссуду для прикрытия чрезвычайных издержек России, Пруссии, даже Австрии, если бы она объявила войну, ссуда оказалась столь маловажной, что не могла быть достаточной даже для одной Пруссии. Наконец Англия обещала сделать высадку на твердую землю, в намерении разделить превосходные числом силы неприятеля, обращенные против наших армий. Высадкой медлили под разными предлогами, пока Шведский Король не стал угрожать заключением мира с Наполеоном, если не явятся вскоре Английские войска. Тогда только Лондонский Двор отправил в Померанию от 5000 до 6000 человек, но и этот отряд, недостаточный для предназначенной цели, пришел поздно.

Вот верное изложение предшествовавших Тильзитскому миру происшествий: «во время которых, – говорит ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР, – руководствовался Я постоянно неизменными правилами справедливости, бескорыстия, непреложной заботливостью о Моих Союзниках. Я не пренебрег ничем для поддержания и защиты их. Независимо от дипломатических сношений, веденных по Моему повелению, Я два раза был в борьбе с Наполеоном, и, конечно, не будут Меня упрекать в каких-либо личных видах. Усматривая постепенное разрушение начал, на которых несколько веков основывалось спокойствие и благоденствие Европы, Я чувствовал, что обязанность и сан Российского Императора предписывали Мне не оставаться праздным зрителем сего разрушения. Я сделал все, что было в силах человеческих. Но в том положении, до которого по неосмотрительности других доведены были дела, когда Мне одному пришлось сражаться с Францией, подкрепленной огромными силами Германии, Италии, Голландии и даже Испании, когда Я был совершенно оставлен Союзниками, на коих полагался; наконец, когда увидел, что границы Моего Государства подвергались опасности от сцепления ошибок и обстоятельств, которых Мне нельзя было тотчас отвратить, Я рассудил, что имею полное право воспользоваться предложениями, несколько раз сделанными Мне в течение войны Наполеоном. Тогда и Я в Свою очередь решился предложить ему перемирие, после чего вскоре последовал мир, подписанный в Тильзите 25 Июня 1807 года»¹.

Одна из главных статей Тильзитского мира состояла в том, что Россия объявит войну Англии, если она в течение пяти месяцев, то есть к 1 Декабря, не согласится заключить мир с Францией, признать совершенной независимости и равенства флагов всех Держав и возвратить владения, завоеванные ей у Франции и ее союзников с 1805 года. Не дождавшись срока 1 Декабря, Россия 19 Ноября объявила войну Англии, когда сия Держава, на предложенное Петербургским Двором посредничество, отвечала нападением на Копенгаген. Другой статьей Тильзитского договора определено было, что Дворы Копенгагенские, Лиссабонские и Стокгольмские приглашены будут отозвать своих Посланников из Лондона и объявят Англии войну. Швеция не согласилась, и Русские войска вступили в Финляндию. Таким образом, еще весной 1808 года все статьи Тильзитского договора были выполнены Россией. Наполеон не сдержал возражений против такого способа выполнения и тем доказал, что не приписывал другого смысла обязательствам России. Большие силы, содержимые ею на приморских берегах, издержки для укрепления гаваней, потеря Флота ее в Лиссабоне и нескольких военных судов на других водах достаточно свидетельствовали, что Россия соблюдала Тильзитский договор во всей его силе. Что касалось до торговли с Англией, то в этом отношении правила Императора Александра были строже, нежели самого Наполеона. Нельзя было точнее России соблюдать континентальной системы. Оставалось разве запретить наши порты без различий для всех нейтральных судов, чего Государь не обещал в Тильзите и на что Он никогда не соглашался.

¹ Наставления, данные 14 Сентября 1807 года Графу Толстому, при отправлении его Послом в Париж.

Между тем, как вследствие Тильзитского мира произошел разрыв России с Англией и Швецией, не прекращалась война России с Портой, а Наполеон отправлял войска в Испанию, с намерением возвести на престол ее одного из своих братьев. Таким образом, оба мощных союзника заняты были в разных концах Европы: Александр на берегах Ботнического залива и Дуная, Наполеон на Пиренейском полуострове. Самым дружеским образом переписывались они между собой, посылали друг другу подарки: связь их носила все признаки неразрывности. Происходили только прения за то, что Наполеон, вопреки Тильзитскому договору, не выводил войск из Пруссии. Уступая наконец настояниям Государя, заключил он с Пруссией, в Апреле 1808 года, конвенцию, которой определялось количество долга ее Франции, а до совершенной уплаты его оставались во власти Наполеона Штеттин, Кюстрин и Глогау. Так и эта, единственная, спорная статья приведена была в ясность.

Бессмертные подвиги Испанского народа, твердо решившего пасть с оружием в руках, но не изменить законному Монарху, расстроили надежду Наполеона на легкое покорение Испании и принудили его отправлять туда войска более, нежели он сначала думал. Однако же он не хотел ослабить сил своих в Германии и обнажить Рейна, не удостоверившись предварительно в расположениях к нему Российского Императора и не обеспечив себя от нападения Австрии, которая начинала усиливать свои военные средства. Он предложил Государю личное свидание. Осенью 1808 года прибыли оба Императора в Эрфурт, где, 3 °Сентября, заключили договор, имевший целью еще больше укрепить союз их и принять новые меры против Англии, общей их неприятельницы. Вследствие сего договора предложили Английскому Королю мир, который не состоялся потому, что Лондонский Двор требовал допущения к переговорам уполномоченных от Кортесов, управлявших Испанией именем Фердинанда VII. Такое условие, как совершенно противное Эрфуртскому договору, было отвергнуто; дела с Англией остались в прежнем положении, и оба Императора продолжали начатые ими войны – Александр со Шведами и Турками, Наполеон с Испанией. Впрочем, все было спокойно, когда внезапно, в средоточии Европы, вспыхнула война и подала Наполеону повод к новым победам, которые в душе его породили новые замыслы.

Австрия, тревожимая возраставшим могуществом Наполеона, изыскивала случаи уменьшить его силы и для нападения решилась воспользоваться отбытием его в Испанию, где находилась большая часть Французской армии. Государь употребил все старания для воспрепятствования или, по крайней мере, для отдаления, как можно более, разрыва Австрии с Францией. Он даже предлагал Венскому Двору ручательство в неприкосновенности его владений, только бы Австрия не объявляла войны. Наполеон, со своей стороны, делал самые усиленные представления, отклоняя Венский Двор от неприязненных намерений. Еще в Тильзите Государь и Наполеон полагали, что для избежания между ними столкновения, которое могло бы охладить их связи, должна посреди них находиться Австрийская Монархия и вместе с Россией и Францией поддерживать равновесие Европы. «Гибель Австрии, – говорил Государь, – будет существенным бедствием: она отразится и на нас. Надобно употребить все, дабы сохранить спокойствие и между тремя великими Империями установить равновесие, которое одно в состоянии упрочить мир»². Австрия не вняла никаким убеждениям и в Апреле 1809 года объявила Франции войну. Успехи Наполеона были так же быстры, как и в прежних его походах. Русские войска, в исполнение Эрфуртского союза, вступили в Галицию, но не с той поспешностью, какой желал Наполеон. Замедление произошло от того, что большая их часть находилась на Дунае и в Финляндии. Через три месяца после открытия похода Наполеон принудил Австрию подписать мир в Шенбруне. Тогда началась перемена его образа мыслей насчет союза с Россией. И первым поводом обнаружить свое охлаждение к связям, восприявшим начало в Тильзите и подтвержденным в Эрфурте, послужило ему следующее обстоятельство.

² Слова из письма Императора к Государственному Канцлеру Графу Румянцеву.

Одной из статей Шенбрунского договора часть Галиции была присоединена к Варшавскому Герцогству, отчего поляки стали замышлять козни против областей, возвращенных Россией от Польши. Государь известил о сем Наполеона, который предложил заключить условие, что он, будучи весьма удален от намерения восстановить Польшу, не только не хочет подавать повод к помышлению о том, «но готов вместе с Государем принять все меры для уничтожения между жителями прежней Польши всякого о ней воспоминания и для истребления самого имени Польши и Поляков из всех публичных актов, даже из истории»³. Сии уверения были вполне удовлетворительны. Оставалось подтвердить их письменным договором, и Французский Посол в Петербурге, Коленкур, получил полномочие, на основании предложений Наполеона, заключить конвенцию, которая и была подписана в Декабре 1809 года. Для ратификации отправили ее в Париж. Дело казалось конченным, как вдруг, через несколько недель, пришел ответ, что Наполеон не утверждает конвенцию. В ней сказано было, что Наполеон полагательно обязывается никогда не восстанавливать Польского Королевства. Вместо того предложил он написать, что обязывается никогда не способствовать никакому предприятию, клонящемуся, прямо или косвенно, к восстановлению Польши, и не помогать возмущению областей, которые некогда составляли сие Королевство.

Четыре месяца длились переговоры безуспешно, и конвенция, подписанная Коленкуром, не была ратифицирована. Истинные причины отказа в ратификации и особенного расположения, оказываемого в то время Наполеоном к Варшавскому Герцогству вообще и к частным лицам оного в особенности, заключались в родственных связях с Австрийским Двором, в которые вступил Наполеон. С той эпохи и начинают развиваться его замыслы о Всемирной монархии. Но сооружение сего чудовищного здания было невозможно, доколе Россия находилась в полной силе: следственно, необходимым условием всемирного преобладания было – сломить могущество Императора Александра и включить Его в число данников Франции. Исполинский замысел нашествия на Россию требовал несметных приготовлений, и потому Наполеон, в письмах к Государю, не переставал расточать уверений в дружбе, в желании сохранить мир; но действиями своими, со времени женитьбы на Австрийской Эрцгерцогине, он обнаруживал противное. Заключив родственные связи с Австрией, он полагал, что Россия, оставшись одна, не будет в состоянии ему противоборствовать. К честолюбивым мечтам завоевателя присоединилось также самолюбие, оскорбленное тем, что не сбылась его надежда сочетаться браком с одной из Великих Княжон Российских. Не получая на предложение свое о том никакого ответа от Государя, Наполеон обратился к Австрии, и она тотчас согласилась на родственный с ним союз. Желание отомстить Императору Александру, возникшее в душе Наполеона вследствие неудачного сватовства, было причиной ускорения войны 1812 года, долженствовавшей основать единодержавие Французского Императора в Европе, отдалить Россию за Днепр или еще далее, воздвигнуть между ней и Германией новые подвластные Наполеону области и потом, предав его власти Константинополь, с помощью покоренных народов, проложить ему путь в Индию.

Бракосочетание Наполеона совершилось в Марте 1810 года и возродило сперва общую уверенность, что настал конец войнам, длившимся 15 лет. Думали, что, утомленный самыми успехами своих предприятий, он озабочится утверждением власти, которую желал передать своему потомству, не подвергая ее новым случайностям переменчивого счастья. Позвоительно было полагать, что Наполеон, пресыщенный победами и славой, наконец останется в покое и не будет вновь окровавлять Европу. Но еще не кончились празднества бракосочетания, как разрушились общие упования на мир и последовало первое ослабление союза с Россией – отказ Наполеона ратифицировать конвенцию о Варшавском Герцогстве. Вслед за этим присоединены к Франции часть Тироля, Валезская область, Голландия, половина Вестфальского

³ Письмо Французского Министра Иностранных Дел Шампаньи к Графу Румянцеву.

Королевства, страна между Северным и Балтийским морями и вольные города Бремен, Любек и Гамбург.

Такие насильственные действия совершались без малейшего права, с пренебрежением всех приличий, без предварительного извещения или сношения с каким-либо Двором, под произвольным предлогом, что война с Англией повелевала принять сию меру, что того требовала *великая политика*. Сим названием облакал Наполеон свои посягательства на права, признанные веками. Для поступков нового рода надобно было выдумать и новое название. Без дальнего оправдания или объяснения ниспровергались границы Государств. Ни Князя Рейнского Союза, ни венчаные страдалцы – братья Наполеона, ни одна великая или малая область не были пощажены при исполнении хищного присвоения. Границы, начертанные произволом, безо всяких правил, без плана, без уважения к древним или новым отношениям, простирались чрез земли, горы и реки, лишали средние и южные Германские Государства сообщения с Северным морем и, протянувшись за Эльбу, коснулись Балтики и стремились к черте Пруссских крепостей, занятых на Одере Французскими войсками. Беззаконное завладение, нарушавшее все права, вторгавшееся во все географические и воинские разграничения, имело притом столь мало признаков оконченной, округленной системы, что необходимо надобно было почитать его предвестием еще больших насильств, долженствовавших соделать Германию достоянием Франции, а Наполеона действительным ее властителем.

Присоединив к Франции Голландию и Ганзеатические города, Наполеон велел известить Герцога Ольденбургского, что владения Его Светлости окружены со всех сторон Французскими областями, отчего Герцог подвергнется многим неудобствам: учреждению в его земле Французских таможен, прохождению по ней французских войск и т. д., а потому приглашал он Герцога, взамен своих владений, взять какую-либо другую область. Наполеон велел также сказать Герцогу, что, желая оказать ему, как близкому родственнику Российского Императора, особенное свое уважение, совершенно предоставляет на его волю принять или отвергнуть предложение размена земель и в последнем случае по-прежнему оставаться в своем наследии. О сих переговорах французский Министр Иностранных Дел известил нашего Посла в Париже, Князя Куракина, который и донес о том в Петербург. Герцог Ольденбургский, со своей стороны, тоже писал к Государю, как главе Голштинского Дома, присовокупляя, что он отказался от предложений Наполеона на размен своих владений и ни под каким видом не согласится покинуть своих подданных, с коими Дом его был соединен в течение десяти веков.

Едва успел Государь получить донесение Своего Посла и письмо Герцога, как приехали в Ольденбург Французские Комиссары. Они предъявили данное им повеление опечатать все казенные суммы и заняться образованием внутреннего управления Герцогства, присовокупляя, что Наполеон присоединил уже сию область к Франции, а Герцогу взамен назначил Эрфурт. Узнав о сих происшествиях, Государь сначала приписал их недоразумению и неясности повелений, данных Комиссарам, ибо, по словам Министра Иностранных Дел, о которых доносил Князь Куракин, Его Величество был уверен, что Наполеон, предоставляя Герцогу поступить по своему усмотрению и узнав его желание оставаться по-прежнему в Ольденбурге, не будет его тревожить. Почитая все случившееся недоразумением, Государь велел потребовать от Тюильрийского Двора объяснения и поставить на вид Наполеону: 1) двенадцатую статью Тильзитского договора, которой обеспечены были владения Ольденбургские; что Герцогство обязано России своим политическим существованием, находится под ее покровительством, по пресечении царствующего в нем Дома должно поступить под Российскую Державу и Герцог, как администратор только, без согласия России и Дании своими областями располагать не вправе; 3) что предлагаемый взамен город Эрфурт с окрестностями гораздо менее Ольденбурга. И наконец, велено объявить, 4) что если бы, сверх всякого ожидания, Тюильрийский Двор не оставил Герцога в законном его наследии, то Император вынужденным найдется формальным протестом оградить на будущие времена права как Герцога, так и собственные

Свои на Ольденбург. «Конечно, – отвечал Французский Министр Иностранных Дел, – Эрфурт по пространству и народонаселению не может быть достаточным вознаграждением; но земля плодороднее, нежели в Ольденбурге, жители промышленнее и богаче, доходы почти одинаковы, и Император Наполеон оставляет Герцогу прежние его уделы в Ольденбурге. В Эрфурте нет дворца, но, помнится мне, есть большой дом, где Герцог может удобно разместиться. Что касается до нарушения 12-й статьи Тильзитского мира, то, без сомнения, она служит в пользу Герцога, но в ней также сказано, что до окончания войны с Англией Французские войска будут занимать Герцогство. Во время заключения Тильзитского мира Ольденбург находился во власти Императора Наполеона, который, возвратив свое завоевание Герцогу, исполнил договор. Потом возникли новые политические соображения, вследствие которых нужно было присоединить сию область к Франции; но Герцог от того совершенно ничего не теряет: Император Наполеон отдачей Эрфурта хочет сделать ему полное вознаграждение и тем явить новое свидетельство дружбы к Государю. В происшествиях бывает неотвратимая случайность, и надобно покоряться ей. Мелкие владения не могут оставаться, когда их существование противно политике и выгодам больших Держав, которые, подобно быстрым потокам, поглощают все, что встречаются в своем течении. Вот правила Императора Наполеона, и он не может отказаться от меры, единожды им принятой, тем более что декретом Сената, присоединившим Ольденбург к Франции, почитает себя совершенно связанным»⁴.

Нетрудно было опровергнуть лжеумствования, в ничтожности коих, конечно, Французский Министр сам был уверен. Напрасно старались доказать ему, что Тильзитским договором именно было постановлено вполне возвратить владения Герцогу Ольденбургскому: следовательно, присоединение их к Франции не могло быть совершено на основании того же самого договора, разве только допустить такой способ толкования трактатов, которому история не представляла еще примеров. Наполеон не внял гласу справедливости, и Российский Посол должен был прибегнуть к последнему средству: подать протест, заблаговременно, на крайний случай, присланный к нему из Петербурга. Французское Министерство возвратило протест. Князь Куракин послал его вторично, но Министр Иностранных Дел привез его обратно сам, с поручением Наполеона объявить, что этот акт бесполезен, послужит только к усилению распространявшихся слухов о скором разрыве Франции с Россией и что должно стараться сколько можно более противодействовать сим слухам, вредным для выгод обеих Империй. Наш Посол истощал все убеждения, чтобы, согласно воле Государя, отдать протест, а Французский Министр не принимал его, ссылаясь на строгое запрещение Наполеона. Безуспешность настояний Князя Куракина навлекла на него неудовольствие Государя. «Итак, – писано ему по Высочайшему повелению, – дипломатическая мера, основанная на примерах и ими освященная, мера, в которой Государь полагал особенную важность, осталась без исполнения! Ясное, положительное повеление, полученное вами от Его Величества, не исполнено! Это удивляет Государя». С намерением упоминаем о сем обстоятельстве для опровержения ложного мнения, будто Император Александр, во время союза с Наполеоном, так же угождал ему, как и другие Монархи. Напротив, Государь свято соблюдал союз, но, коль скоро договоры были Наполеоном нарушены, Александр потребовал удовлетворения, и никакие вооружения Наполеона и Европы не могли отклонить Государя от Его требований.

Не желая оставлять прав Своих в безгласности, Император велел отправить протест ко всем Русским Посольствам, чтобы они подали его Дворам, при коих находились. Даже и это было сопряжено с затруднениями. Все Европейские Кабинеты так страшились Наполеона, что иные опасались принятием протеста навлечь на себя гнев завоевателя. Нашим Посланникам должно было употреблять разные дипломатические уловки для вручения протеста Дворам, при коих они были уполномочены.

⁴ Донесение Князя Куракина, от 27 Января и 3 Февраля.

Протест был следующего содержания: «Его Императорское Величество с удивлением известился, что Его союзник, Император Французский, распространив, по декрету Сената, границы своего Государства, включил в них и Герцогство Ольденбургское. Его Величество поставил на вид союзнику Своему, равно как поставляет на вид и всей Европе, что по Тильзитскому договору спокойное обладание Герцогства обеспечено было законному его Государю.

Его Величество напомнил Французскому Императору и напоминает всем Держavam, что Россия, по договорам 1766 и 1773 годов, отдала Королю Датскому все владения свои в Герцогстве Голштинском, а взамен получила Графства Ольденбургское и Дельменгорстское, которые, по известным сделкам, в коих многие Державы по необходимости должныствовали участвовать, обращены были во владетельное Герцогство, в пользу младшего колена того же самого Голштейн-Готторпского Дома, к коему Его Императорское Величество принадлежит по ближайшим кровным связям. ИМПЕРАТОР полагает, что сие владение, основанное великодушием Его Империи, не может быть уничтожено без крайнего нарушения справедливости и собственных прав Его, а потому находит Себя принужденным, сим протестом, взять под защиту Свою и Наследников Своего Престола, на вечные времена, все права и обязательства, от вышеупомянутых договоров происходящие.

Какую цену могли бы иметь союзы, если бы трактаты, на которых они основаны, не сохраняли своей силы? Дабы не подать повода к какому-либо недоразумению, Его Величество объявляет, что важные политические причины побудили Его вступить в союз с Французским Императором, что сии причины еще существуют, а потому Он намерен пещись о сохранении союза и ожидать подобного взаимного попечения и со стороны Монарха, на дружбу коего имеет право.

Такое соединение выгод обоих Государств, предположенное Петром Великим, встречавшее в его время и впоследствии много препятствий, принесло ныне пользу России и Франции. Итак, кажется, выгоды обеих Империй требуют соблюдения сего союза, и Его Величество посвятит тому все попечения Свои».

Выражения протеста были самые умеренные, однако Наполеон находил их неприязненными. Нарушив присвоением Ольденбурга одну из статей Тильзитского мира, он хотел сложить вину на Россию в том, что она ослабляет силу союза и протестом обнаруживает свое охлаждение. Он не сознавался, что распря не имела бы той гласности, которая произвела на него столь сильное впечатление, если бы, по приказанию его, Министр Иностранных Дел не простер забвения приличий и должного уважения к представителю великой Державы до того, что привез обратно ноту, врученную ему от имени его Государя. Не Россия была виновна в том, что дело Ольденбургское обратилось в дело государственное, стало известно всей Европе, подало повод к протесту не от союзника против союзника, но одной Державы против другой, которая уже не хотела быть в союзе, ибо своевольно нарушила договор, бывший основанием их союза.

Новым предлогом к притворным жалобам Наполеона послужило разномыслие с ним Государя касательно торговли. Потрясение промышленности и могущества Англии континентальною системой составляло любимую мысль Наполеона, но сам он допускал торги с Англией, посредством так называвшихся исключительных дозволений, чему было две причины: 1) невозможность совершенно обойтись без колониальных товаров; 2) большой доход, получаемый лично Наполеоном от сих дозволений. Издаваемые во Франции постановления против торговли нейтральных Держав были исполняемы с беспримерным насилием. Достояние дружественных народов не было различаемо от собственности неприятелей. Куда не могла достигнуть власть Наполеона, там угроза непосредственного нападения заставляла Правительства вводить систему притеснения, походившую более на налог, взимаемый с народов твердой земли, нежели на враждебную меру против Англии. Между тем декреты Берлинские и Миланские были в полной силе: первый издан 12 Ноября 1806 года; второй через несколько месяцев по заключении Тильзитского договора. Россия ничем не обязывалась в отношении сих двух

декретов, и Франция не имела права требовать от России принятия их, а разве только могла просить о том Государя, как не об естественном следствии Тильзитского договора, где не было об них упомянуто, но угождении, жертве, которую Россия могла принять или отвергнуть, судя по своим выгодам. С этой точки зрения смотрел Наполеон до Ноября 1810 года. Он не приносил никаких жалоб на допущение в Русские гавани нейтральных судов, которые до того времени входили в них на основании тех же правил, против коих вздумал потом Наполеон протестовать.

Утверждая, что в России недовольно строго соблюдают запретительные меры и будто под Американским Флагом привозят к нам Английские товары, Наполеон сделал Государю два предложения: 1) ввести в России Трианонский тариф, на основании которого во всех подвластных Наполеону землях Английские товары были сжигаемы; 2) принять за правило конфисковать все без исключения корабли с колониальными товарами, под каким бы флагом они ни были, потому что, по его мнению, они непременно или принадлежали Англии, или на своем пути заходили в ее гавани. Государь отвергнул и первое и второе предложение, которое было равносильно совершенному прекращению торговых сношений с нейтральными Государствами, особенно с Америкой. Одни Американцы не были в разрыве с Англичанами, свободно плавали по морям, приходили в Россию, и через них только можно было получать колониальные товары. Государь отвечал Наполеону, что, находясь в войне с Англией, наносит ей возможный вред, следовательно, соблюдает союз и постановленные в нем начала, но не может беспрестанно принимать новых мер; что в России конфискуют все без исключения Английские товары и в этом отношении поступают строже, нежели во Франции.

От строгого соблюдения континентальной системы, разрыва с Англией и невозможности продавать произведение России одним Американцам произошли остановка в нашей торговле, упадок вексельного курса и ассигнаций. Роскошь между тем не уменьшалась и уничтожала огромные суммы. Желая положить ей предел, ограничить привоз иностранных товаров и поощрить внутреннюю промышленность, Государь издал в Декабре 1810 года тариф, или Положение о нейтральной торговле⁵. Многие изделия Французских мануфактур и фабрик были тарифом запрещены и тем подан повод к сильным жалобам со стороны Наполеона. Он утверждал, что новое Постановление нарушает союз, благоприятствует Англии и совершенно лишает Францию торговли с Россией. Первое было ложно, а последнее большей частью справедливо; но тариф и был издан с целью обратить капиталы на оживление Русской, а не чужой промышленности. Такая мера не была нарушением договоров с Францией, как объявлял Наполеон, но домашним распоряжением, которого никакой иностранный Монарх, хотя бы и союзник России, не мог почитать изъявлением неприязни, тем менее имел право требовать в нем отчета. Наполеон так был избалован угодливостью всех Дворов, что даже дерзнул укорять, зачем, не предвзя его, обнародовали в России тариф. Послу его в Петербурге и Министерству Иностранных Дел в Париже объяснили настоящую цель тарифа, с присовокуплением, что он издан только на год, следовательно, есть мера временная. На упреки, почему заблаговременно не известили Наполеона о новом торговом Положении, Россия отвечала, как независимая Держава. Она не считала себя обязанной предупреждать кого бы то ни было о распоряжениях, касающихся внутреннего управления.

Такие отзывы были не по нраву Наполеону. Тариф называл он нарушением приязни и начал оказывать приметную холодность нашему Послу и Флигель-Адъютанту Государя, Чернышеву, находившемуся в Париже с доверенными поручениями. Напротив, к полякам, во множестве проживавшим в Париже, он удвоил свое благорасположение. Однажды, на балу, он сказал одной польке, что удивляется, как могла она выйти замуж за русского. Морскому Министру запретил он покупать в России корабельный лес, пеньку, железо. Королю Саксонскому тайно

⁵ Полное собрание законов, XXXI, 486.

дано было знать о присылке в Париж старшего генерала Варшавских войск, Понятовского, под предлогом поздравить Наполеона с рождением сына, но в самом деле для того, чтобы условиться с Понятовским о походе в Россию. С той же целью был вызван из Неаполя Мюрат. Проживавшие в Париже поляки, ободренные течением сих обстоятельств, громко заговорили об исполнении своих надежд – падении России. Слухи о разрыве с Россией более и более распространялись в Париже⁶. Новым торговым положением нашим воспользовался Наполеон, как благовидным предлогом, для оправдания набора рекрутов; но на сию меру, необходимую для замыслов его против России, тариф не мог иметь ни малейшего влияния, ибо декрет о наборе подписан был Наполеоном прежде, нежели получил он извещение о тарифе, хотя за несколько времени перед тем извещал Государя, что в 1811 году конскрипции не будет. В России также объявлен рекрутский набор. Взаимно умножая свои войска, Александр и Наполеон говорили, однако же, один другому, что причина к усилению армий заключалась в обыкновенной убыли людей в полках. Внутри Франции делались вооружения; три дивизии, которые после заключения мира в Шенбруне стояли в южной Германии, выступили к берегам Балтийского моря; главная квартира Французских войск, бывших в Немецкой земле, перенесена из Регенсбурга в Гамбург; отправлено 50 000 ружей в Варшаву; большие артиллерийские парки тронулись из Майнца и Ульма в Магдебург; Данциг и крепости Варшавского Герцогства приводили в оборонительное положение. У нас закладывали Бобруйск и Динабург, усиливали укрепление Киева и Риги, между Двиной и Киевом выбирали места, удобные для укрепления; пять дивизий армии, действовавшей против турок, получили повеление выступить на западную границу; туда же отправлена одна дивизия из Финляндии.

И так несогласия между Императором Александром и Наполеоном, возникшие немедленно после бракосочетания последнего, по поводу не утвержденной им конвенции о Польше, возрастали по трем спорным статьям: 1) присоединение к Франции Ольденбурга; 2) разномыслие насчет торговли и 3) нового тарифа. Очевидно, что без сильнейших причин к вражде прения об Ольденбурге и торговле можно было кончить миролюбивыми соглашениями. Стоило ли двигать Запад Европы против России только за то, что Император Александр ввел новый тариф, не прекращал торговли с нейтральными государствами и вступался за права Своего родственника, попранные вопреки буквальному смыслу Тильзитского договора? Это были одни предлоги к войне: настоящие побуждения заключались в свойствах Наполеона.

Его непосредственное влияние или, лучше сказать, прямое обладание простиралось от границ Португалии и Неаполя до Данцига и Варшавы. Францию окружала цепь Королевств и Княжеств, предоставивших в распоряжение Наполеона все свои способы. От Парижа, чрез Германию и Варшавское Герцогство, шли его военные пути до наших границ. Нельзя было из России сделать шагу на левую сторону Немана, не подвергаясь зависимости Наполеона. Нравственная власть его была не менее грозна. Беспрестанные успехи в войне прославили его непобедимым; верили тому его войска, современники, верил он сам. Города, области, государства уже не оружием смирялись, но покорялись по одному его слову, по его декретам. Только Александр на твердой земле стоял во всей силе, во всем величии. Но, как по словам одного завоевателя Древности, «не светить на небе двум солнцам», так, по мнению Наполеона, ему одному должно было господствовать, не имея равного. Превозмогши всех своих неприятелей, он не был в состоянии победить самого себя, одолеть обуревавшей его страсти к завоеваниям. Победа не утоляет сей страсти, но усиливает жажду к приобретениям, которая соделывается казнью, бичом человечества. Следственно, в самом Наполеоне, в алчности его к завоеваниям, должно искать причины к войне с Россией. Вознесшись на высшую степень могущества, он полагал, что не может на ней удержаться иначе, как дав миру новый вид.

⁶ Все сии подробности заимствованы из донесений Князя Куракина и Чернышева.

Происшествия 1811 года

Письмо Наполеона к Государю. – Ответ. – Разговор Наполеона с Чернышевым. – Продолжение спора. – Приготовления Наполеона к войне. – Разговор его с Князем Куракиным. – Ответ Государя. – Донесения Князя Куракина и Чернышева о непреклонном намерении Наполеона вести войну. – Австрия и Пруссия предлагают свое посредничество. – Государь не принимает оно. – Вооружение Наполеона продолжается. – Дела Турецкие.

Описанное в предыдущей главе происходило в 1810 году и Январе 1811-го. Наполеон не мог тотчас начать войны, потому что еще не совсем приготовился к ней. Для выигранья времени он притворствовал, говорил о желании сохранить мир, о дружбе к Государю. В сих уверениях и переговорах о спорных статьях прошел весь 1811 год. В каком положении были дела в начале сего года, в чем именно заключались взаимные неудовольствия обоих великих соперников, красноречивейшим изображением тому служат собственные их письма. Поводом к оным было назначение Генерала Графа Лористона послом в Петербурге, на место Герцога Виченцкого, Коленкура.

Письмо Наполеона от 16 Февраля 1811 года: «Слабое состояние здоровья Герцога Виченцкого заставляет меня отозвать его. Я искал между окружающими моими такого человека, назначение которого могло бы наиболее быть угодно Вашему Императорскому Величеству и способствовать к поддержанию мира и союза между нами, Я избрал Генерала Графа Лористона. Нетерпеливо желаю знать, удачен ли мой выбор.

Поручаю Чернышеву изъяснить Вашему Величеству мои чувства к Вам. Они не изменятся, хотя я не могу скрыть от себя, что Ваше Величество лишили меня Своей дружбы. Мне делают от Вашего имени возражения и всякие затруднения насчет Ольденбурга, между тем как я не отказываюсь от вознаграждения, а положение сей земли, которая всегда была центром контрабанды с Англией, налагает на меня непременный долг присоединить ее к моим владениям, для выгод моей Империи и успешного окончания предпринятой борьбы. Последний указ Вашего Величества, в существе и особенно в изложении, направлен, собственно, против Франции. В другое время Ваше Величество не приняли бы подобной меры против моей торговли, не предварив меня, и я, вероятно, был бы в состоянии предложить Вам иные средства, которые соответствовали бы Вашей главной цели и между тем не показались бы для Франции переменной системы. Так поняла это вся Европа, и в мнении Англии и Европы наш союз уже не существует. Хотя бы в душе Вашего Величества был он так же ненарушим, как в моей, тем не менее это общее мнение есть большое зло. Позвольте сказать Вам откровенно: Вы забыли пользу, которую принес Вам союз, и между тем посмотрите, что произошло с Тильзитского мира? По Тильзитскому договору, Вы должны были возвратить Турции Молдавию и Валахию; вместо того Ваше Величество присоединили сии области к Своей Империи. Валахия и Молдавия составляют третью часть Европейской Турции. Это огромное приобретение, упирая обширную Империю Вашего Величества на Дунай, совершенно обессиливает Турцию и даже, можно сказать, уничтожает Оттоманскую Империю, мою древнейшую союзницу. Вместо того чтобы настаивать в исполнении Тильзитского договора, я с величайшим бескорыстием, и единственно по дружбе к Вашему Величеству, признал присоединение к России сих прекрасных и богатых стран; но если бы я не был уверен в продолжении Вашей дружбы, то даже несколько несчастных походов не заставили бы Францию согласиться на такое отторжение областей у древнего ее союзника. В Швеции, в то время когда я возвратил сделанные мной в ее владениях завоевания, я согласился, чтобы Ваше Величество удержали за собой Финляндию, которая составляет треть Шведского Государства и для Вашего Величества столь важная провинция, что после сего соединения, можно сказать, нет уже Швеции, ибо Стокгольм теперь на аванпо-

стах Королевства. Между тем и Швеция, несмотря на ложную политику Короля, была также одной из древних союзниц Франции.

Люди вкрадчивые и научаемые Англией утруждают слух Вашего Величества коварными речами. Они говорят, что я хочу восстановить Польшу. Я был властен сделать это в Тильзите: через двенадцать дней после фридландского сражения я мог быть в Вильне. Если бы я хотел восстановить Польшу, то в Вене вознаграждал бы Австрию: она желала сохранить свои древние области и сообщение с морем, пожертвовав владениями в Польше. Я мог сделать это в 1810 году, когда все Русские войска были заняты войной против Порты, следственно, я мог бы успеть и теперь еще, не дожидаясь, пока Ваше Величество заключите с Портой договор, который, вероятно, состоится в течение нынешнего лета. Ни при одном из означенных обстоятельств не приступал я к восстановлению Польши, следственно, и не помышлял о нем. Но если я не хочу переменять положения Польши, то имею также право требовать, чтобы никто не мешался в дела мои по сию сторону Эльбы. Я должен, однако же, сознаться, что враги наши имели успех. Укрепления, воздвигаемые по повелению Вашего Величества на двадцати местах по Двине, протест в пользу Ольденбурга и указ Ваш о тарифе служат тому доказательством. Я не изменился в чувствах к Вам, но поражен очевидностью сих происшествий и мыслью, что Ваше Величество совершенно расположены подружиться с Англией, коль скоро обстоятельства приведут к тому, а это значит возжечь войну между двумя Империями. Если Ваше Величество оставите союз и сожжете Тильзитские условия, война, очевидно, должна последовать через несколько месяцев. Такое положение недоверчивости и неизвестности имеет неудобства для Империи Вашего Величества и моей. С обеих сторон должно последовать напряжение всех способов к приготовлению. Все это, конечно, весьма неприятно. Если Ваше Величество не имеете намерения мириться с Англией, то почувствуете, сколь необходимо для Вас и для меня рассеять все сии тучи. Вы не наслаждаетесь спокойствием, ибо сказали Герцогу Виченцскому, что будете воевать на Своих границах, а спокойствие есть первое благо обоих великих Государств. Прошу Ваше Величество, читая мое письмо, верить моему доброму намерению, видеть в нем только желание мира, удаления обоюдной недоверчивости и восстановления между обеими нациями во всех отношениях той тесной дружбы, которая уже около четырех лет делала их столь счастливыми».

Император Александр отвечал Наполеону 13 Марта: «Спешу отвечать на письмо Вашего Величества от 16/28 Февраля. Весьма сожалею, что здоровье Герцога Виченцкого не позволяет ему продолжать своего посольства при Мне. Я был им чрезвычайно доволен, ибо во всяком случае видел в нем величайшую преданность к Вашему Величеству и постоянную заботливость о скреплении уз, нас соединяющих. Благодарю Ваше Величество за выбор Генерала Лористона: кто пользуется вашим доверием, тот всегда будет Мне приятен.

Чернышев исполнил Мои приказания. С сожалением вижу, что вы не так Меня понимаете. Ни чувства Мои, ни политика не изменялись. Я ничего не желаю, кроме сохранения и утверждения нашего союза. Напротив того, не имею ли повода думать, что Ваше Величество изменились в отношении ко Мне? Почитаю долгом объясниться с такой же откровенностью, как Ваше Величество в письме ко Мне.

Вы обвиняете Меня за протест по Ольденбургскому Делу; но мог ли Я поступить иначе? Небольшой клочок земли принадлежал единственному лицу, Моему родственнику; все потребные формы были им выполнены; он член Рейнского Союза и потому состоит под покровительством Вашего Величества; владения упрочены за ним статьей Тильзитского договора, и он лишается их, между тем как Ваше Величество ни одним словом не предупредили Меня. Какую важность мог иметь для Франции этот клочок земли, и ваш поступок доказывает ли Европе дружбу вашу ко Мне? Все письма, отовсюду писанные в это время, свидетельствуют, что присоединение Ольденбурга к Франции почитали следствием желания Вашего Величества оскорбить Меня. Что касается до Моего протеста, то изложение одного служит неопровержи-

мым доказательством, что Я ставлю союз с Францией превыше всех других соображений и ясно обнаруживаю, что весьма ошибочно было бы заключать из него об ослаблении Моего союза с Вашим Величеством.

Вы предполагаете, что Мой указ о тарифе направлен против Франции. Я должен опровергнуть это мнение, как ни на чем не основанное и несправедливое. Тарифа необходимо требовали чрезвычайно стесненное положение морской торговли, огромный привоз сухим путем ценных иностранных товаров, неимоверные пошлины на Русские произведения во владениях Вашего Величества и ужасный упадок нашего курса. Тариф имеет двоякую цель: 1) воспретив с величайшей строгостью торговлю с Англией, даровать некоторое облегчение торговле с Америкой, единственной торговле, посредством которой Россия может сбывать морем свои произведения, слишком громоздкие для сухопутного вывоза; 2) ограничить по возможности сухопутный ввоз, самый невыгодный для нашего торгового баланса, ибо привозится множество весьма дорогих предметов роскоши, за которые мы платили наличными деньгами, между тем как наш собственный отпуск чрезвычайно стеснен. Вот весьма простые причины указа о тарифе. Он не более направлен против Франции, как и против других земель Европы, и совершенно соответствует континентальной системе, воспрещая и уничтожая предметы неприятельской торговли. Ваше Величество делаете замечание, что Я предварительно не спросил вашего мнения о сей мере. Как она принадлежит к действиям внутреннего управления, то думаю, что всякое Правительство властно принимать такие меры, какие ему кажутся выгодными, тем более если они не противны существующим договорам. Позвольте сделать Вашему Величеству одно замечание. Справедливо ли упрекать Меня в том, когда вы сами поступили точно так же и нимало не предварили Меня о распоряжениях ваших насчет торговли, не только в вашей Империи, но и во всей Европе? Между тем ваши постановления имели гораздо сильнейшее влияние на торговлю России, нежели какое Русский тариф может иметь на торговлю Франции: многочисленные банкротства, за ними последовавшие, служат тому доказательством.

Мне кажется, Я по справедливости могу сказать, что Россия точнее соблюла Тильзитский договор, нежели Франция. Замечание насчет Молдавии и Валахии отнюдь не может быть вменено России в нарушение условий сего договора, ибо в нем постановлено, чтобы сии Княжества во время перемирия оставались не заняты войсками воюющих Держав. Моя армия отступила четыре марша назад, и Я велел ей воротиться тогда уже, когда Турки сделали нападение, сожгли Галац и дошли до Фокшан. После того Эрфуртская конвенция упрочила Мне обладание Молдавией и Валахией, следственно, Я прав. Что касается до завоевания Финляндии, то оно не входило в Мою политику, и Ваше Величество припомните, что Я начал войну со Швецией только для приведения в исполнение континентальной системы. Успех Моего оружия доставил Мне Финляндию, точно так, как неудача могла лишить Меня собственных областей Моих. Следственно, и по сей второй статье Я полагаю быть правым. Но если Ваше Величество указывает на выгоды, принесенные России союзом ее с Францией, то не могу ли Я с Своей стороны сослаться на пользу сего союза для Франции и на огромные присоединения к ней части Италии, северной Германии, Голландии?

Мне кажется, Я неоднократно доказывал Вашему Величеству, сколь мало обращаю внимания на внушения тех, коих выгоды побуждают произвести между нами разрыв. Лучшим доказательством служит то, что Я каждый раз сообщал о них Вашему Величеству, всегда полагаясь на вашу дружбу. Но когда самые дела стали подтверждать слухи, Я не мог не принять мер предосторожности. В Варшавском Герцогстве вооружения продолжались безостановочно.

Число войск в нем умножено без всякой соразмерности, даже с населением. Работы над новыми укреплениями не прекращались; воздвигаемые же Мною находятся на Двине и Днепре. Ваше Величество, столь опытные в военном деле, не можете не сознаться, что укрепления, сооружаемые в таком расстоянии от границы, как Париж от Страсбурга, суть меры не нападения, но чисто оборонительные. Вооружения Мои ограничились лучшим устройством суще-

ствовавших уже полков; и Ваше Величество не переставали заниматься тем же. Впрочем, к вооружениям понудили Меня происшествия в Герцогстве Варшавском и непрерывное возрастание сил Вашего Величества в северной Германии. Таково настоящее положение дел. Укрепления Мои скорее могут служить доказательством, сколь мало Я располагаюсь к нападению. Тариф Мой, установленный только на год, не имеет иной цели, кроме уменьшения невыгодности курса и доставления Мне средств к поддержанию принятой и с постоянством сохраняемой Мной системы, а протест, предписанный Мне обязанностью пещись о чести Моего Государства и Фамилии, основанный на прямом нарушении Тильзитского договора, есть самый явный знак желания Моего сохранить союз с вами.

Посему, Ваше Величество, отбросив мысль, что Я жду только благоприятной минуты для перемены системы, сознайтесь, если хотите быть справедливы, что нельзя с большей точностью соблюсти системы, Мной принятой. Впрочем, не завидуя ни в чем соседям, любя Францию, какая Мне выгода желать войны? Россия не имеет надобности в завоеваниях; она, может быть, без того уже слишком обширна.

Военный гений, признаваемый Мной в Вашем Величестве, не позволяет Мне скрывать от Себя трудности борьбы, которая могла бы возникнуть между нами. Сверх того, самолюбие Мое привязано к системе союза с Францией. Я сделал ее правилом политики для России, для чего должен был довольно долго бороться с противными старинными мнениями. Основательно ли будет предполагать во Мне желание разрушить Мое дело и начать войну с Вашим Величеством? И если вы так же мало желаете войны, как я, то, без всякого сомнения, ее не будет. Являя вам еще одно доказательство, Я готов предоставить Вашему Величеству решение Ольденбургского дела. Поставьте себя на Мое место и определите сами, чего бы можно желать в подобном случае. Ваше Величество имеете все средства устроить дела таким образом, чтобы еще теснее связать обе Империи и сделать разрыв навсегда невозможным. Я с Своей стороны готов содействовать вам для сей цели. Повторяю: если будет война, то она будет по вашему желанию, и, сделав все для ее отвращения, Я буду уметь сражаться и дорого продам Свое существование. Если, вместо того, желаете признать во Мне друга и союзника, то найдете те же чувства привязанности и дружбы, которые Я всегда питал к вам. Прошу Ваше Величество, читая сие письмо, также верить Моему доброму намерению и видеть в нем только решительное желание примирения».

Наполеон, прочитав до конца письмо, врученное ему Чернышевым, сказал: «Кто угрожает вашему существованию? Кто намерен атаковать вас? Неужели я до такой степени не понимаю моих выгод, что без всякой причины начну войну с сильной Державой, имеющей огромные способы и войско, готовое храбро сражаться за отечество? Вы говорите, что Император искренно желает мира; но повеление, данное нескольким дивизиям выступить из Валахии к западным границам, не есть ли сильнейший повод к объявлению вам войны? Что б вы сказали, если бы я велел войскам моим идти в северную Германию, и не имели бы вы права принять это за объявление войны? Я желаю мира: он для меня выгоден; но если дела наши останутся в нынешнем положении, то даю честное слово, когда вы сами не начнете войны, не нападать на вас прежде четырех лет. Выждать значит для меня выигрывать».

Наполеон исчислял все свои войска и денежные средства. Те и другие были в самом деле огромны, но Наполеон увеличивал их еще более, в намерении устрашить Россию. Потом начал он опять уверять в своем миролюбии и говорил Чернышеву, что не может ничего выиграть в войне с Россией, что войной не вознаграждаются издержки, употребленные на вооружение, что его жизнь слишком драгоценна для его детей и народов и что он не желает подвергать ее опасности в походе за столь маловажные предметы⁷. Такое внезапное расположение

⁷ Донесение Государю Чернышева, от 9 Апреля 1811.

Наполеона к миру произошло от неблагоприятных известий, полученных им о действиях Французских войск в Испании и Португалии. Сии неудачи до такой степени озаботили Наполеона, что он отсрочил разрыв с Россией, доколе война на Пиренейском полуострове не примет лучшего оборота. Он также запретил печатать оскорбительные статьи насчет России, которые уже были совсем готовы для помещения в журналах, ибо, приступая к какому-нибудь предприятию, Наполеон имел обыкновение заблаговременно готовить общее мнение в пользу своего предначинания. Личина, под которой он старался скрывать свои намерения против России, не ввела, однако же, в заблуждение ни нашего Посла в Париже, ни Чернышева, который безотлучно находился при Наполеоне, сопровождал его на смотрах, на охоте и ежедневно находился в самом тесном кругу у сестер, родственников и сановников Французского Императора. «Еще в Петербурге имел я счастье докладывать Вашему Величеству, – доносил Чернышев Государю, – что Наполеон только ищет выиграть время; настоящие обстоятельства совершенно подтверждают это мнение. Все доходящие до Наполеона известия о наших вооружениях тревожат его и заставляют медлить разрывом с Россией не потому, чтобы он не мог теперь же соединить против нас 250 000 человек, но по той причине, что война на севере лишит его возможности устроить дела в Испании»⁸.

Стараясь привести к окончанию спорные статьи, сущность коих заключалась в двух предметах, Ольденбурге и тарифе, Государь предложил Французскому Двору: о первой из сих статей начать переговоры в Петербурге, пригласив к тому и Данию; в отношении же ко второй согласиться в изменении тех статей нашего нового Положения о торговле, которые для Франции казались обидными, и даже со временем заключить с ней торговый договор, потому что чрез восемь месяцев должны прекратиться действия тарифа, изданного только на один год. Наполеон, имея в виду единственно отсрочку войны, отвечал, что не противится вступить в соглашение об Ольденбурге, но предоставляет России назначить вознаграждение, какого она желает для Герцога. С нашей стороны возражаемо было, что предложение должно последовать от Наполеона, который насильственно захватил Герцогство; что Эрфурта Государь не принимает, но хочет, чтобы Герцогу возвратили Ольденбург или назначили взамен такую область, которая, по местному положению своему, могла бы находиться под непосредственным покровительством России; что Государь не просит у Наполеона милости или способов существования для Герцога, но взирает на присоединение Ольденбурга к Франции, как на нарушение Тильзитского договора, и требует, чтобы Наполеон сам представил средства загладить свой насильственный поступок.

Желая как можно более протянуть дело, Наполеон говорил, что нашему Послу в Париже, для вступления в переговоры, не дано полномочия, которым необходимо надобно было снабдить его. Государь отвергнул сие новое требование, потому что звание Посла само по себе достаточно уполномочивало Князя Куракина выслушивать предложение Французских Министров и рассуждать об них. Между тем ни один из двух могущественных соперников не соглашался первый объявить, в чем должно было состоять вознаграждение Ольденбургского Герцога, и оба продолжали свои вооружения. Все возможные меры строгости приняты были Наполеоном к поспешнейшей конскрипции. В разных местах Франции устраивались лагеря для сбора войск. Множество артиллерии, снарядов, комиссариатских вещей отправляли к Рейну и далее. Туда же тянулись из Франции, по разным дорогам, в большом числе отдельные команды всякого рода войск. В Германии учреждали магазины, покупали лошадей. Гарнизоны Данцига и Прусских крепостей увеличивались. Владетели Рейнского Союза усиливали свои вспомогательные корпуса, запасались оружием. Наполеон оказывал особенное расположение не только к находившимся в Париже Австрийцам, но даже Пруссакам, с которыми со времени Тильзитского мира обходился со всей кичливостью неумолимого победителя. «Минута вели-

⁸ Донесение Государю Чернышева, от 9 Апреля 1811.

кой борьбы приближается, – доносил Чернышев. – Буря, угрожающая нам, остановлена только тем, что Наполеону неудобно теперь открывать поход; но, не менее того, опасность очевидна и уже недалека. Наполеон упорствует в промедлении переговоров, под предлогом, что первые предложения должны быть сделаны нами»⁹. Отозвание пяти Русских дивизий с берегов Дуная создалось главным предметом жалоб Наполеона. Уничтожая и этот предлог, Государь велел сказать ему, что возвратит дивизии в Валахию, если Наполеон уменьшит Данцигский гарнизон вполтину. Французское Министерство отвечало, что уменьшение требует времени и размышления; что оно может быть исполнено не иначе как вследствие переговоров, должествующих прекратить все возникшие недоразумения. Наполеон не согласился убавить войска в Данциге и велел объявить нашему Послу, что усиливает армию в Немецкой земле, «не для того, однако же, – присовокупил он, – чтобы угрожать России, или из политических видов, но единственно с намерением обеспечить северные берега Германии от нападения Англичан, подкрепить тамошнюю стражу, сохранить общественное спокойствие в сем новоприобретенном крае и, наконец, потому, что там дешевле содержать войска, нежели во Франции».

Сомнительное положение дел между двумя Империями не могло быть сокрыто не только от проницательных наблюдателей, но и от Европы. Все видели, что оба Императора готовились к войне, но никто не знал, в чем именно заключались взаимные притязания их. Сущность переговоров сохранялась в тайне и была известна только Кабинетам Петербургскому и Тюильрийскому. Наполеон прервал молчание первый. В день его именин, 3 Августа 1811 года, был, по обыкновению, большой съезд при Дворе. Наполеон подошел к Князю Куракину, остановился подле него и в присутствии Дипломатического Корпуса, ровно два часа, говорил Послу о своем миролюбии, о всех подробностях спорных статей, выражал беспрестанно одни и те же мысли разными оборотами речей, усиливаясь доказать правоту своих мнимых жалоб на Россию. В заключение он сказал: «Император Александр не говорит, чего желает, не шлет вам полномочия для переговоров, а между тем не прекращает вооружений. Я не хочу вести войны, не думаю восстанавливать Польши, но вы помышляете о присоединении к России Варшавского Герцогства и Данцига. Без сомнения, у Императора есть какая-нибудь скрытная мысль; доколе тайные нам решения вашего Двора не будут объявлены, я не перестану умножать войск в Германии»¹⁰.

Настоящая цель сей пространной речи состояла в том, чтобы торжественно перед светом выставить Россию начинательницей войны.

Но личные свойства Наполеона и его страсть к завоеваниям были всем известны. Потому слова его не ввели никого в заблуждение и послужили только к обнаружению, до какой степени был близок разрыв с Россией. Государь, получив донесение о сем разговоре, велел отвечать Наполеону, что не находит достаточных причин изменить Свои политические правила, остается непоколебим в союзе с Францией, старается устранить все, могущее ослабить сей союз; что таково было главное основание политической системы Его Величества со времени Тильзитского мира и таковы останутся Его расположения к Франции до тех пор, пока будет справедливая взаимность в поступках сей Державы. Присовокуплено, что, по мнению Государя, не следует Его Величеству делать никаких предложений, хотя Он готов выслушать их со стороны Наполеона, для прекращения спорных предметов, возникших между обоими Дворами. В заключение изъявлено неудовольствие Императора на слова Наполеона о желании России приобрести Данциг или часть Герцогства Варшавского. Отвечали, что Государь не постигает, как могло возникнуть подобное, неосновательное предположение, и объявляет самым утвердительным образом, что не простирает Своих видов ни на Данциг, ни на какую-либо часть Варшавского Герцогства; что довольный пространством и могуществом Империи, Провидением Ему вверенной, Его Величество не желает чужих владений и помышляет только о сохра-

⁹ Донесение Государю, от 5 Июля 1811.

¹⁰ Донесение Князя Куракина, от 3 Августа.

нении тишины и общего спокойствия, необходимых для излечения ран, произведенных двадцатилетними бедствиями¹¹.

Объяснения сии, сообщенные в Октябре месяце Французскому Министерству, не произвели своего действия. Приготовления Наполеона к войне были уже кончены в Сентябре, и если он не открыл тогда же похода, то причиной тому было позднее осеннее время. «Война решена в уме Наполеона, – доносил Чернышев, – он теперь почитает ее необходимой, чтобы достигнуть власти, которой ищет, цели, к коей стремятся все его усилия, то есть обладание Европой. Мысль о мировладычестве так льстит его самолюбию и до такой степени занимает его, что никакие уступки, никакая сговорчивость с нашей стороны не могут уже отсрочить великой борьбы, долженствующей решить участь не одной России, но всей твердой земли»¹².

Действительно, в продолжение остальных зимних месяцев 1811 года Наполеон не давал удовлетворительного ответа насчет своих вооружений. Послу нашему в Париже объявили даже, что не войдут с ним ни в переговоры, ни в объяснения, доколе не будет он снабжен новым полномочием. Государь, со Своей стороны, почитал полномочие излишним, по причинам вышеизложенным. Поступки Наполеона доказывали, что полномочие не могло служить средством к примирению: если бы он в самом деле желал мира, то не усиливал бы армии в Немецкой земле и давно сделал бы требуемые от него предложения, которые могли послужить основанием переговорам.

Наполеон перестал роптать на тариф, которым сначала, казалось, был раздражен, и, обращаясь единственно к Ольденбургскому делу, сознавался, что в присвоении Ольденбурга поступил с излишней поспешностью и, присоединяя область сию к Франции, не знал о правах на онаую Российского Двора. Протест называл он вызовом к войне, а вооружения свои оправдывал тем, что Русские войска все более и более сосредоточивались на западных границах. Его не убеждали повторенные возражения, что Государю невозможно было равнодушно смотреть на сбор Французских армий в северной Германии, где число их в то время возросло уже до 300 000 человек; что нельзя было не принять мер к обороне, когда гарнизоны крепостей в Пруссии и Варшавском Герцогстве усиливались, и во всех концах обширной Империи Наполеона и областях его данников готовились вооружения. Отрицательные отзывы Наполеона не колебали Императора Александра, и Его Величество постоянно отвечал одно, что Наполеон первый нарушил Тильзитский мир, а потому первый должен объявить, какие за то представляет вознаграждения.

Австрия и Пруссия, предвидя близкую войну, последствия коей непременно должны были разразиться и над ними, предложили Государю свое посредничество. Император не принял его и, известив о Своем отказе Наполеона, говорил ему, что возродившиеся взаимные недоразумения должны прекратиться не посторонним посредничеством, но одной силой приязни, соединяющей Его с Наполеоном, и обоюдными выгодами их Империй. Новое доказательство доверенности Государя принято было Наполеоном с благодарностью, но не имело влияния на укрощение враждебных замыслов его против России.

Париж оглашался военными слухами: повсюду явно и громко говорили о скорой, неминуемой войне. Столица Франции походила на лагерь, где беспрестанно производились смотры войск, отправлявшихся к Рейну. «С сожалением должен я повторить, – доносил Князь Куракин от 18 Декабря, – что война не подвержена уже ни малейшему сомнению. Все разговоры Наполеона, по общему о них утверждению, исполнены негодованием и горечью против России. Адьютантам своим он приказал выдать на подъем деньги, как то обыкновенно бывает при начале похода. Для охранения морских берегов, во время своего отсутствия, устроена им таможенная стража, в числе 214 рот, а для обороны границы Италии национальная гвардия. Кон-

¹¹ Донесение Графа Румянцева к Князю Куракину, от 25 Сентября 1811.

¹² Донесение Чернышева, от 7 Сентября.

скрипция нынешнего года дойдет до 200 000 человек; вскоре объявится новая конскрипция в Итальянском Королевстве. Военный Министр, в откровенном разговоре с одним приятелем своим, сказал, что Франция, готовясь теперь к войне против нас, никогда еще не имела столь обильно и попечительно снабженной армии, как числом людей и лошадей, так артиллерией и всеми возможными запасами и снарядами, потому что имела на то время и не тратила его даром. Великие силы и способы изготовлены Наполеоном к ополчению против нас. Нам уже нельзя льстить себя пустой надеждой на мир. Наступает время с мужеством и непоколебимой твердостью защитить достояние и неприкосновенность границ России».

Русские Посланники, находившиеся при Дворах, союзных с Наполеоном, столь же положительно доносили об их вооружениях, равно как и Чернышев, которому удалось получить самые подробные строевые рапорты и сведения о местах расположения Французских войск. «Наполеон ежедневно более и более ожесточается против нас», – доносил Чернышев от 6 Декабря. «Нет никакого сомнения в вероятности скорого разрыва; нельзя ручаться за два или за три месяца мира; даже можно ожидать, что Наполеон, сегодня или завтра, вдруг отправится к армии. В Министерствах Военном и Финансов неутомимо занимаются снабжением армии в Германии. Внимание Наполеона особенно обращено на артиллерию и конницу, которыми надеется он сломить наши войска. В арсеналах Майнцском, Страсбургском и Лаферском работают с величайшей деятельностью; дороги в Страсбург, Майнц, Кобленц и Везель покрыты фурами с артиллерийскими снарядами. Гвардия получила повеление быть готовой к выступлению; на днях осматривали ее ружья, что обыкновенно делается перед началом войны. Более ста верховых лошадей Наполеона отправлены в Кассель; экипажи его ждут приказанья тронуться. Наполеон только и мечтает о раздроблении России».

Немедленному открытию войны препятствовала зима и то, что Наполеон не успел еще условиться с Швецией, Австрией и Пруссией, войска которых хотел присоединить к своим для нашествия на Россию. Пока не были кончены переговоры с сими Державами и в намерении воспользоваться временем, оставшимся до весны, Наполеон всячески старался подстрекать Султана не заключать мира с Россией. Шестилетняя наша война с Турцией еще не прекращалась. Четверо наших Главнокомандующих: Михельсон, Князь Прозоровский, Князь Багратион и Граф Каменский, один за другим предводительствовавшие против Порты, действовали удачно, но, однако же, не в такой мере, чтобы принудить Султана к выгодному для России миру. Слава нанести решительное поражение Туркам, уничтожить все ухищрения Наполеоновых происков в Константинополе и положить конец войне в ту минуту, когда России грозило нашествие, досталась в удел полководцу, имя коего не умрет в памяти благодарного Отечества, – Кутузову.

В 1811 году принял он начальство над армией небольшой. По превосходству в числе Турок, Кутузов действовал оборонительно и велел срыть бывшие в руках его крепости на правом берегу Дуная, за исключением Рушука, который сохранил вместо предмостного укрепления.

22 Июня произошло сражение под Рушуком. Кутузов одержал победу, но, несмотря на успех, почитал себя не в силах держаться за Дунаем и, разорив укрепления Рушука, возвратился на левый берег реки. Ликовал Наполеон, узнав об отступлении Кутузова; Султан праздновал оное наравне с победой; но радость Наполеона и Махмута была непродолжительна. Турки переправились вслед за Кутузовым. Дав им перейти через Дунай, наш полководец отрядил корпус на правую сторону реки, с повелением напасть на Турецкий резерв, там стоявший. Резерв был разбит, и Турецкая армия, лишенная сообщения с правым берегом, была со всех сторон окружена. При первом о том известии Наполеон воскликнул с негодованием¹³. Но такие ли еще неожиданности должен был впоследствии испытать Наполеон от Кутузова!

¹³ Донесение Чернышева, от 6 Декабря.

Немедленно послан был курьер из Парижа в Константинополь для увещания Порты к продолжению войны. Между тем Кутузов привел окруженную им Турецкую армию в такое изнурение, что она должна была питаться конской падалью. Высший Визирь, желая спасти войска от неминуемого плена, от верной смерти, предложил Кутузову перемирие, вызываясь немедленно приступить к переговорам о мире. Военные действия прекратились, и полномочные обеих сторон имели первое совещание 18 Октября, в лагере под Журжей. Но вскоре произошло промедление в переговорах, от разногласия в мирных статьях, что было вожаденной вестью Наполеону. Он отправлял в Константинополь одного нарочного за другим, с уведомлениями о скором разрыве своем с Россией, с убеждениями, что для Порты настало благоприятнейшее время воевать против России. Для быстроты сношений с Турцией велел он учредить эстафеты от Парижа до Цареграда. Так прошел 1811 год предвестником войны, которая в скором времени должна была воспрять начало.

От января до мая 1812 года

Вступление французских войск в Померанию. – Сношения России с Швецией. – Союзный договор с Швецией. – Разговор Наполеона с Чернышевым. – Наполеон делает три предложения Государю. – Замечания Государя на слова Наполеона. – Союз Наполеона с Пруссией. – Ответ Государя на предложения Наполеона. – Разговор Наполеона с Князем Куракиным. – Безуспешные переговоры Князя Куракина с Французским Министерством. – Предположение к наступательным действиям со стороны России. – Союз Австрии с Францией. – Отъезд Государя в Вильну. – Прибытие в Вильну Графа Нарбонна. – Ответ на привезенные им предложения. – Бухарестский мир. – Сношения с Австрией.

Роковой 1812 год застал Императора Александра и Наполеона в военных приготовлениях, в спорах и начался новым политическим насилием со стороны Тюльрийского Кабинета. Наполеон был недоволен Швецией за несоблюдение ей во всей строгости запретительных правил континентальной системы и за торговлю, которую вела она тайно с Англией, невзирая на то, что находилась с ней в войне. В Январе 1812 года Наполеон велел одной части Французских войск, стоявших в северной Германии, занять Шведскую Померанию и остров Рюген. Тем более негодовал он на Стокгольмский Двор, что за полтора года пред тем Французский Маршал Бернадот, в котором Наполеон надеялся иметь верного подручника, покорного исполнителя своих замыслов, был избран в Наследники Шведского престола. Ожидания его не сбылись. Бернадот, сделавшись преемником престола Густава Вазы, постиг свое высокое назначение и принял его с твердым намерением не быть орудием Наполеона, но посвятить себя благоденствию Швеции, первым условием коего почитал ненарушимую дружбу с Россией. Вследствие того дал он самые положительные обещания Императору Александру, сообщенные посредством Чернышева, которого Государь посылал к нему в исходе 1810 года¹⁴.

К укреплению тесных связей, возникших между Дворами Петербургским и Стокгольмским, всего более способствовал сам Наполеон, заняв Шведскую Померанию и остров Рюген. Король Шведский потребовал от него объяснения за сие нарушение народного права и писал Государю, что, предвидя близкую, общую войну, желает знать мнение Его Величества насчет необходимости соединиться с верными державами Европы для сохранения своей самостоятельности. Яснее выражался Наследный Принц Шведский. Он писал Государю, что политическое равновесие ниспровергнуто и Наполеон стремится ко всемирному преобладанию. «В общей скорби, – говорил Принц, – взоры всех обращены на Вас с верой и упованием. Целость России есть ручательство и нашего будущего существования». Благодаря Короля за доверенность, Государь отвечал: «Докажем оба Европе, что северные державы, недоступные страху, умеют остаться независимыми; что, руководствуясь благоразумием и умеренностью, они пребудут тверды в принятых ими правилах»¹⁵. В таком же смысле писал Император Шведскому Принцу и присовокупил: «Мне, может быть, предстоит трудное дело, но не скрывать его от себя должен Я, а выполнить».

Следствием сих откровенных сношений, происшедших от самовольного занятия Наполеоном Померании и Рюгена, было заключение оборонительного и наступательного договора, подписанного в Петербурге 24 Марта. Главные статьи его были следующие: 1) Корпус от 25 до 30 тысяч Шведов и от 15 до 20 тысяч Русских, под начальством Наследного Принца, назначался для высадки в Германию. 2) Высадке долженствовало предшествовать присоединение Норвегии к Швеции, добровольной уступкой со стороны Дании или силой. В первом случае

¹⁴ Донесение Чернышева Государю, от 7 Декабря 1810, из Стокгольма.

¹⁵ Письмо Государя к Шведскому Королю, от 13 Февраля 1810.

предложить Дании, взамен Норвегии, другую равностоящую область в Германии, по соседству ее владений. Во втором случае Русский вспомогательный корпус, упомянутый в первом пункте, должен содействовать Шведам в покорении Норвегии и с этой целью отплыть вместе со Шведами в Зеландию, для принуждения Копенгагенского Двора к требуемой от него уступки. 3) В случае войны с Францией пригласить Англию присоединиться к союзу России с Швецией. Наконец, определено союзный договор хранить в тайне, а силу воспринять ему, когда обе договаривавшиеся Державы объявят войну Наполеону или начнутся против него военные действия. После подписания сего договора Государь находился в самых искренних связях с Стокгольмским Двором, особенно с Наследным Принцем, на коем, по случаю болезни Короля, почти исключительно лежало бремя правления.

В то время когда Россия и Швеция договаривались о союзе, Наполеон предложил, 15 Марта, Наследному Принцу объявить войну России и вторгнуться в Финляндию, по получении в Стокгольме известия о переходе Французской армии чрез Неман. За то Наполеон обещал: 1) не покидать оружия, доколе Финляндия не будет возвращена Швеции; 2) выдавать по полтора миллиона франков ежемесячно вспомогательных денег, с платежом за три месяца вперед; 3) передать Швеции часть Норвегии и на 20 миллионов колониальных товаров¹⁶. Наследный Принц отвергнул предложение Наполеона и убеждал его не начинать войны с Россией.

Столь же усиленно уговаривал Наполеон Турков не заключать мира, о котором шли переговоры в Бухаресте. Подстрекая Швецию и Порту к войне с Россией, он продолжал уверять Государя в желании своем сохранить мир. 13 Февраля он призвал к себе Чернышева и говорил ему следующее: «Холодность между Императором Александром и мной произошла от решительного отказа вашего Правительства войти в рассмотрение статей, сущность коих мало важна. Если хотите восстановить по-прежнему доброе согласие, надобно обратиться к исполнению Тильзитского мира, совершенно изгнать Английские корабли из Русских гаваней и запретить ввоз колониальных товаров, которые привозят к вам Англичане под Американским Флагом; они идут потом чрез Броды в Австрию, Пруссию, даже во Францию, отчего нарушается континентальная система. Это все равно, если бы я допустил Англичан в Гавр и другие Французские гавани. Я говорил несколько раз, что объявлю войну, если узнаю, что вы отказываетесь от исполнения декретов Берлинского и Миланского, на которые Государь ваш согласился в Тильзите. Со времени издания вашего тарифа 1810 года полагал я, что Государь переменял Свои виды. В тарифе ясно выражается нам решение повредить Франции и оскорбить лично меня. Можно было достигнуть другим образом предположенной вами цели, соглася временно ваши выгоды с уважением, должным союзу. Государь не имеет уже ко мне тех чувствований, как я изъявлял в Тильзите и Эрфурте: доказательством служит протест по Ольденбургскому делу. Это манифест, настоящее объявление войны, которое нарочно разослали ко всем Дворам, как будто призывая меня к суду их; но я никому не подсуден. Император Александр вызвал меня сим манифестом, бросил мне перчатку; но я не поднял ее, желая сохранить мир с Россией, и до сих пор не отвечал: мне неприлично иначе отвечать, как объявлением войны. Я сказал иностранным Дворам, что дам объяснение, когда оно будет согласно с моей политикой, предоставляя себе таким образом средство отвечать им, как мне следует, или оставить дело без внимания, если бы каким-нибудь соглашением с вами изгладилось впечатление, произведенное протестом.

Я намерен объявить, что Ольденбургский Герцог, не послав вспомогательных войск в последнюю войну против Австрии, нарушил свои обязанности, как член Рейнского Союза, и лишился прав на свои владения, на которые также не признаю я прав России. Только из уважения к вашему Монарху не обнародовал я такого объявления прежде и продолжал убеждать ваше Правительство к миролюбивому соглашению; но вы не даете никакого ответа. Разве

¹⁶ Донесение Генерала Сухтелена Государю, от 18 Марта 1812.

Император Александр разбил меня, что так поступает со мной? Разве мы уже до того сделались презрительны в глазах Его, что Он не считает нас достойными даже ответа и вступления с нами в объяснения? Если из гордости вы не хотите договариваться в Париже, то назначьте любой город в Немецкой земле и пришлите кого-нибудь с полномочием, которым уже полтора года прошу я снабдить Князя Куракина.

Что касается до моих вооружений, то они следствие моей системы, а не намерений враждебных. Когда Россия поселила во мне недоверчивость, я начал готовиться к войне, и не скрывал того ни от вас, ни от вашего Посла. Разве то, что я говорил Князю Куракину публично на аудиенции, в прошедшем Августе, сказано было без намерения? Я думал, что слова мои побудят вас сделать какой-нибудь решительный шаг: ничто *мне* не удалось, и я должен был продолжать вооружения, но иначе, нежели в прежние времена. В 1805 и 1806 годах старался я ускорить войну, чтобы разбить Австрийцев и Пруссиков, пока вы не пришли к ним на помощь; теперь я не тороплюсь по двум причинам: 1) что, не желая войны, думаю сохранить надежду на мир; 2) чем долее буду медлить, тем более возрастут мои силы. Вы хотели договариваться, имея армию, готовую к бою: и я должен был сблизить войска, чтобы противостоять вам. У вас 400 000 человек расположены от Риги до Каменца-Подольского: и мне надобно было подвинуть корпус на помощь войскам Варшавского Герцогства. Когда вы пойдете чрез Пруссию, то встретите корпус Даву на марше в Штеттин; прочие корпуса скоро за ним последуют, для того чтобы я мог теперь же поставить авангард на Висле, а главные силы на Одере. Если получу ответ скоро, и в таком смысле, как желаю, то, может быть, не велю переходить через Одер; иначе подвину войска до Вислы; во всяком случае имею я право идти до Данцига.

Положительно уверяю вас, что в настоящем году *я* не начну войны, разве вы вступите в Варшавское Герцогство или в Пруссию, которую почитаю моей союзницей. Если, со своей стороны, вы не хотите войны и желаете ее избежать, то еще можно согласиться на следующих условиях: 1) В точности исполнить Тильзитский договор и все меры, принятые до сих пор против Англичан, с тем, однако, изменением, чтобы взаимно условиться об исключительных дозволениях, на основании которых выгоды не были бы предоставлены одним Англичанам, но разделялись бы поровну между каждой из торгующих Держав. Это отнюдь не повредит континентальной системе. 2) Заключить торговый договор или конвенцию, которая, сохраняя сущность вашего тарифа, устранила бы все, что есть в нем оскорбительного для Франции. 3) Насчет Ольденбурга подписать соглашение, которое уничтожило бы вредное влияние вашего протеста и было такого содержания, что вы или ничего не требуете для Герцога, или хотите определительного вознаграждения, за исключением, однако, Данцига или какой-либо части Варшавского Герцогства».

С сими предложениями Наполеон поручил Чернышеву отправиться к Государю и, отпуская его, присовокупил: «Признаюсь, что за два года прежде не мог я думать о возможности разрыва России с Францией, по крайней мере при жизни Императора АЛЕКСАНДРА и моей. Ручательство в спокойствии Европы полагал я во взаимных чувствованиях наших, которые и поныне сохраняю к вашему Государю. Уверьте в том Его Величество и скажите, что если судьба определила двум сильнейшим Держavam на земле воевать за пустяки, то я буду вести войну, как рыцарь, без всякой ненависти, без недоброжелательства, и, если обстоятельства позволят, предложу Императору завтракать вместе со мною на передовой цепи. Настоящий поступок мой облегчает мою совесть. Изъяснив вам истинные мои чувствования к Императору, посылаю вас, как моего полномочного, в надежде, что еще успеем согласиться и не будем проливать крови ста тысяч храбрых за то, что мы не можем условиться о цвете ленточки. За год и меньше было не трудно примириться; теперь удобнее, нежели через три месяца.

Если у вас не хотят разрыва с Францией, то надобно поторопиться прислать кого-нибудь для переговоров. Чем более будете вы медлить, тем более умножатся мои приготовления. Если же вы решились воевать, то вы действуете основательно, и все, что у вас сделано в этом отно-

шении, в порядке вещей. Выбор минуты, когда начнется война, будет зависеть уже не от политики, но от военных соображений».

По приезде в Петербург Чернышев письменно представил Государю слова, сказанные ему Наполеоном. Его Величество сделал на донесении следующие собственноручные отметки, которые опровергают доводы, на коих Наполеон основывал свои притворные жалобы: 1) Наполеон говорил, что Государь обязался Тильзитским договором исполнять декреты Берлинский и Миланский. – «В Тильзитском трактате, – замечает Император, – о сих декретах упомянуто не было». 2) «Герцог Ольденбургский, – продолжал Наполеон, – нарушил обязанности свои, как член Рейнского Союза, не послав войск в последнюю войну с Австрией». – «Герцогу, – заметил Государь, – не было сделано предложения об отправлении на эту войну войск его, которые едва существовали и только что начинали формироваться». 3) Наполеон жаловался, что Князю Куракину не высылали полномочий. Государь написал: «Князь Куракин имел полномочие выслушивать все предложения; но нельзя было дать ему власти окончательно подписывать договоры, без представления их на ратификацию, а этого-то Наполеон и хотел».

До какой степени мирные соглашения, с которыми 13 Февраля отправил Наполеон Чернышева к Государю, были неискренни и имели целью только усыпить Россию, свидетельствует то, что накануне, 12 Февраля, заключил он тайно союз с Пруссией, обязавшейся, в случае войны Наполеона с Россией, поставить под его знамена 20 000 человек, с 60 орудиями, и снабжать Французскую армию продовольствием во время прохода ее через Пруссию. Берлинскому Двору невозможно было оставаться нейтральным в приближавшейся войне между двумя Империями. Выбор, на чью сторону обратиться, также не мог быть сомнителен. Французские войска занимали Прусские владения и несколько крепостей, а потому Пруссия должна была согласиться на союз с Наполеоном, столько же противный личным чувствованиям Короля, сколько и выгодам Пруссии. Ее Правительство было убеждено в неодолимости Наполеона, в невозможности сопротивляться его воле и полагало свое спасение в беспрекословной ему покорности¹⁷. Как действие принуждения, союз тяготил Короля, соединенного с Государем самой тесной дружбой. «Жалейте обо мне, но не обвиняйте меня, – писал он к Императору. – Если война вспыхнет, то мы будем вредить друг другу только в крайних случаях. Сохраним всегда в памяти, что мы друзья и что придет время быть опять союзниками. Уступая непреодолимой судьбе, сохраним свободу и искренность наших чувствований».

В одно время с привезенными Чернышевым предложениями получил Государь известие о союзе Наполеона с Прусским Королем и приближении Французских войск к Одера. Следовательно, в ответ Наполеону надлежало сообразить не одни предложения, им сделанные, но также новый союз его с Пруссией и наступательное движение его армии. Наконец, должно было положить пределы умеренности, без чего Наполеон, беспрестанно твердя о своем миролюбии и между тем все подвигаясь вперед, мог бы подвести свою армию к самому Неману. Государь приказал объявить ему, что, доколе Французские войска останутся в занимаемых ими тогда позициях, Его Величество из пределов России не выйдет, но переправу главных сил Наполеона через Одер или присоединение значительных подкреплений к авангардам их, находившимся по правую сторону Одера, примет за объявление войны. Сим способом Государь предоставлял Наполеону средство избежать войны и между тем войти в переговоры.

Для прочного мира с Францией необходимо было нейтральное Государство между ней и Россией, не занятое войсками их Империи. Потому, Марта 27, Государь велел известить Наполеона, что предварительным условием для начатия переговоров должно быть положительное обещание его: вывести свои войска из Пруссии и уменьшить Данцигский гарнизон. В случае принятия сих статей Наполеоном Князю Куракину приказано было вступить в объяснения о предложениях, привезенных Чернышевым, на следующих основаниях: 1) Требовать от Фран-

¹⁷ Повеление Князю Куракину, от 2 Марта.

ции обещания, что непосредственным следствием дружественного соглашения будет совершенное очищение от Французских войск Шведской Померании, Рюгена и Прусских владений, включая и окрестности на Одере, также умаление Данцигского гарнизона до того числа войск, какое было перед 1 Января 1811 года. 2) Объявить, что Россия не может изменить своих правил насчет торговли нейтральных Держав, но готова вступить в переговоры об исключительных дозволениях, только бы они не вредили торговым сношениям ее. 3) Если Франция удовлетворит Россию по первому пункту и откажется от притязаний своих по второму, то Государь соизволяет на перемены в тарифе, которые, не нарушая его в существе, будут согласны с желаниями Наполеона по некоторым статьям. 4) Если два первых пункта не встретят затруднений, то Государь охотно вступит в переговоры об Ольденбурге и откажется от протеста. К сему наставлению приложено было письмо Государя к Наполеону, которое Князь Куракин должен был вручить ему лично. Послу приказано было войти на аудиенции в подробнейшие объяснения, с твердостью защищать требования наши, ни под каким предлогом не ослаблять их, не уступать никаким внушениям, ибо, сказано в данном ему повелении, Государь решился скорее начать войну, нежели подписать то, что несовместно с достоинством и выгодами России.

15 Апреля Князь Куракин имел аудиенцию у Наполеона, сообщил ему предложения Государя и получил от него следующий ответ: невозможно вывести войск из Пруссии; «требование ваше почитаю обидой. Вы пристаёте ко мне с ножом. Честь не позволяет мне согласиться. Разве в Петербурге до такой степени забылись, что угрозами думают склонить меня на свои желания? Начнем договариваться; условимся в том, чего хотим». Посол сказал, что не может приступить к переговорам, доколе не получит положительного обещания очистить от Французских войск Померию и Пруссию и уменьшить Данцигский гарнизон. «Вы поступаете как Пруссаки перед Венским сражением, – отвечал Наполеон, – они требовали вывода войск моих из северной Германии». На возражение, что сам Наполеон утверждал в Тильзите, сколь необходимо для прочности союза быть между Россией и Францией независимому Государству, Наполеон отвечал: «Не могу согласиться на ваши предложения; не настаивайте в принятии их, если хотите договариваться».

Все доводы Посла были тщетны, и на замечание его, что наши войска выступят за границу, если Французская армия перейдет за Одер, Наполеон отвечал: «Мое положение различается от вашего. Земли, где стоят мои армии, принадлежат мне или моим союзникам. Варшавское Герцогство под моим покровительством; Король Саксонский член Рейнского Союза; Король Прусский мой союзник: и я должен защищать их. Но вы не можете перейти ваших границ, не нарушив прав чужого владения. В Варшавском Герцогстве найдете вы сопротивление, и, если последует оружейный или пистолетный выстрел, я приму его за объявление войны. Не получая долго ответа на посланные с Чернышевым предложения, я беспокоился и, предвидя скорое начатие военных действий, велел Даву отражать вас. Я также приказал Лористону и Посланникам Рейнского Союза в Петербурге выехать оттуда, когда они узнают о переходе ваших войск за границы. Если вы будете стоять за Неманом или даже займете Мемель, я не тронусь за Вислу; но если перейдете через Неман, вступите в Кенигсберг или Варшавское Герцогство, Даву атакует вас. Я прикажу Лористону остановиться в Мариенверде и ожидать, кто будет назначен вашим Государем для переговоров». – «Но, может быть, между тем военные действия уже начнутся», – заметил Князь Куракин. «Тогда я предложу перемирие, – отвечал Наполеон. – Поговорите с моим Министром Иностранных Дел и подпишите перемирие, первым действием которого будет отступление ваше за Неман. В случае если бы Кенигсберг был уже занят, войска мои отойдут за Пассаржу. Повидайтесь с Министром, но не настаивайте в условиях, которых я не могу принять. Если же вам непременно велено предложить их, дайте такой оборот делу, чтобы мне не быть вынужденным отвергнуть ваши требования»¹⁸.

¹⁸ Донесение Князя Куракина, от 15 Апреля.

Двусмысленность последних слов Наполеона была в совершенной противоположности с тем, что говорил он при начале аудиенции, где решительно отказался выводить войска из Пруссии. Неясность и темнота последних выражений его, подававших некоторую, хотя, впрочем, слабую надежду на согласие, свидетельствовали, что в нем самом происходила какая-то борьба, что, готовый двинуться на Россию, он, по временам, еще колеблется. Однако не более одних суток оставался он в нерешимости. Министр Иностранных Дел Маре, с которым Князь Куракин имел совещание, немедленно после аудиенции у Наполеона, не только не воспротивился предложениям Государя, но даже согласился на проекты двух конвенций: одной о перемирии, на случай, если военные действия уже восприяли начало, а другой о выступлении Французов из Пруссии и Померании, и статья касательно торговли. Проекты приготовлены были Князем Куракиным на другой день. Оставалось утвердить их подписью, для чего Маре хотел испросить приказания Наполеона. Судя по словам его, казалось не подверженным сомнению, что он получит на то повеление; казалось, что мир не нарушится и не возгорится война, кровопролитнейшая из всех, веденных в новейшие времена. Случилось противное. Наклонность Наполеона к миру была мгновенна и уступила место обуревавшей его страсти к бранным тревогам. Вскоре, по-прежнему, взяла над ним верх очаровательная для него мысль: одержать еще новые победы, вступить с торжеством в одну из Русских столиц или в обе вдруг, приковать к своей колеснице еще одну Державу, величайшую из Держав вселенной!

Ровно две недели, каждый день, наш Посол, письменно и словесно, обращался к Маре о подписании конвенции, для начатия потом переговоров. Маре всякий раз извинялся неимением еще повелений. «Такие отзывы, – доносил Князь Куракин, – беспрестанные отлагательства, пустые извинения достаточно доказывают, что Наполеон не намерен принять наших предложений и предпочитает вести войну, для остановки коей единственным средством было бы согласие на требования Государя. Во всем видна только цель Наполеона выиграть время и оставить нас в неизвестности»¹⁹. Между тем все предвещало неминуемую войну. Полмиллиона войск толпились между Рейном и Одером. Короли Вестфальский и Неаполитанский, Вице-Король Итальянский и все Маршалы были уже при корпусах, вверенных начальству их. Наполеон учреждал народную стражу на время своего отсутствия и составлял положение о регентстве на случай своей смерти. Гвардия выступила из Парижа; тронулись оттуда экипажи и верховые лошади Наполеона; везде говорили о скором, непременном его отъезде. Положение Князя Куракина становилось час от часу затруднительнее. Маре не давал ему ответа; Прусский Посланник избегал его; Австрийский посол, Князь Шварценберг, издавна с ним дружный, уехал из Парижа, не сказав ему ни слова. После самых убедительных домогательств Посол наш был приглашен Министром Иностранных Дел на совещание. Желая, чтобы конференция не прошла, как все предшествовавшие, в бесплодных прениях, Князь Куракин отвечал принятием приглашения, но с условием, что потребует паспортов, если в предстоящем заседании не получит удовлетворительного отзыва. «К сему поступку, – доносил он ГОСУДАРЮ, – обязывали меня честь, совесть, достоинство Вашей Империи, тем более что чрез сутки назначался отъезд Наполеона к армии». Но и эта конференция, самим Французским Министром назначенная, не состоялась. Маре только спросил письменно у Князя Куракина: имеет ли он полномочие на заключение договора? На другой день, не повидавшись с нашим Послом, уехал он из Парижа в Дрезден, не дав ему ответа и не снабдив его требуемыми паспортами. Вслед за Министром Иностранных Дел должен был и Наполеон отправиться в Дрезден.

Государю неизвестно было, как примет Наполеон решительные Его предложения и согласится ли очистить Пруссию и Померанию, для начатия потом переговоров. В случае отказа Наполеона остановить дальнейшее движение своих войск и переправы их на правый берег Одера, Государь, решась принять это за объявление Войны, положил выступить за границы и

¹⁹ Донесение Князя Куракина, от 26 Апреля.

действовать наступательно. Для перехода через Неман избраны были три пункта: Олита, Мереч и Гродно. В непроницаемой тайне и под видом сплавки хлеба и леса в Кенигсберг свозили на сии пункты большие запасы продовольствия, а для построения мостов лес, якоря, канаты²⁰. Корпусным командирам разосланы были повеления о принятии нужных мер к выступлению, по первому о том известию. Куда им следовать, где переходить границу и как потом действовать, все подробно было объяснено в повелениях, данных им в конвертах, запечатанных Императорской печатью. Корпусным командирам разрешалось вскрыть конверты не прежде, как по получении приказаний к выступлению. Все было готово к походу за Неман, если бы значительные силы Наполеона показались на правой стороне Одера, как вдруг новое политическое происшествие разрушило наступательные предначертания и заставило помыслить об ином роде войны – действиях оборонительных.

Австрия, до Марта месяца 1812 года, не заключала с Францией никаких обязательств; но, видя приближение разрыва России с Наполеоном, собирала в Галиции наблюдательный корпус, желая в возгоравшейся войне сохранить вооруженный нейтралитет. Наполеон не согласился на сие желание и требовал, чтобы Венский Двор соединился с ним союзным договором²¹. Победителю не могли отказать; Австрийский Посол в Париже, Князь Шварценберг, получил приказание заключить союзный договор, который и подписан 2 Марта. Сущность его состояла в том, что Австрия и Франция ручались в неприкосновенности своих владений и обязывались, в случае нашествия на них, помогать одна другой 30-тысячным корпусом. Наполеон желал первоначально, чтобы сей корпус состоял из 50 000 человек, на что, однако же, не склонился Император Франц. Во время войны России с Францией Австрия обязывалась выставить обещанные 50 000 к Апрелю и подчинить их начальству Наполеона, с тем чтобы корпус не был раздробляем, но оставался всегда в совокупности. Наполеон ручался, что Галиция останется за Австрией, которой, однако, предоставлялось на волю, если она пожелает, обменять Галицию на Иллирию. В случае счастливой войны против России Наполеон обещал Венскому Двору вознаграждение за его участие. Он хотел, чтобы начальство над вспомогательным Австрийским корпусом было поручено одному из Эрцгерцогов, дабы тем показать всему свету, сколь тесен союз его с Австрией; но предложения, сделанные по сему предмету Эрцгерцогам Карлу и Иоанну, не были ими приняты, и Главнокомандующим назначен Князь Шварценберг.

Известие о сем союзе пришло к Государю в то самое время, когда Его Величество был готов дать армии повеление двинуться за Неман, если бы войска Наполеона перешли на правый берег Одера или стали подходить значительные подкрепления к тем корпусам, которые находились на Висле. Французы начинали уже исподволь, в небольших отделениях, переправляться через Одер. Главнокомандующий 1-й армией, Барклай-де-Толли, находившийся в Вильне, испрашивал у Императора разрешение на движение наступательное, донося, что пора трогаться вперед; но нечаянная весть о союзе Австрии с Наполеоном изменила намерения Государя насчет действий за Неманом. Его Величество отвечал Главнокомандующему: «Важные обстоятельства требуют зрелого размышления о том, что нам предпринять. Посылаю вам союзный договор Австрии с Наполеоном. Если войска наши сделают шаг за границу, то война неизбежна и по сему договору Австрийцы будут находиться позади левого крыла наших армий. С другой стороны, Французский Посол положительно уверяет, что Мемель и Кенигсберг не будут заняты и что он шлет повеление от Наполеона остановить движение войск к сим городам, если бы оно было исполнено каким-либо из Французских генералов, для чего уже отправлен им адъютант с поручением объявить о том Маршалу Даву. Я немного полагаюсь на такие уверения, но их должно принять в уважение. По приезде Моем в Вильну окончательно определим

²⁰ Повеление Генерал-Квартирмейстеру Мухину, от 2 Апреля, № 36.

²¹ Донесение Российского Посланника из Вены, Графа Стакельберга, от 18 Марта.

дальнейшие действия. Между тем возьмите меры, чтобы все было готово, если решимся начать войну, и ни в чем не случилось остановки»²².

Вслед за известием о союзе Наполеона с Австрией Государь получил донесение о приближении Французских войск к Кенигсбергу. Хотя Его Величество не имел еще ответа, каким образом принял Наполеон последние предложения, посланные 27 Марта, и не знал еще о безуспешных настояниях Своего Посла в Париже, однако же почел нужным отправиться к армии в Вильну. Поутру, в день отъезда, Император писал Шведскому Принцу: «Известия об Австрии неприятны; но с постоянством и твердостью надеюсь кончить успешно приближающуюся борьбу. Разделяю мнение Вашего Высочества не отвергать конгресса, если Наполеон предложит его, с тем, однако же, чтобы первым условием переговоров была независимость северных Держав. Без крайней необходимости Я не буду начинателем. Приехав в Вильну, Мне легче будет судить о положении дел и о том, что предпринять».

9 Апреля, в два часа пополудни, Государь отправился в армию. В коляске с Его Величеством находился Обер-Гофмаршал Граф Толстой. Перед отъездом Император слушал в Казанском Соборе молебен, которое совершал Новгородский Митрополит Амвросий. Тысячи молившихся о благополучном путешествии наполняли церковь: ни для кого уже не была тайной настоящая причина отъезда ИМПЕРАТОРА. Все знали, что Монарх отправлялся туда, где должна была решиться участь Отечества, а с ним и Европы. 14 Апреля приехал Император в Вильну. Кроме адъютантов Его Величества, находились при особе Его: супруг Великой Княгини Екатерины Павловны, Принц Георгий Ольденбургский, Канцлер Граф Румянцев, генералы: Беннигсен, Граф Аракчеев и Граф Армфельд, Действительный Тайный Советник Граф Кочубей, Государственный Секретарь Шишков, Статс-Секретарь Граф Нессельроде – и бывшие прежде в Прусской службе: Министр Барон Штейн и Генерал-Майор Фуль, которого мнения насчет войны тогда много уважались.

Первые две недели прошли в смотре войск, для чего Государь ездил по местам расположения 1-й армии. Исправнейшей дивизией найдена была 3-я пехотная, Коновницына. Император назвал ее образцовой и поставил в пример прочим. «У нас все еще смирно, – писал Государь к Генерал-Фельдмаршалу Графу Салтыкову от 19 Апреля. – Армия в самом лучшем духе. Артиллерия, которую Я успел осмотреть, в наипрекраснейшем состоянии. Возлагая все упование Мое на Всевышнего, спокойно ожидаю дальнейших событий». Ожидание было непродолжительно. Наполеон между тем отправился из Парижа в Дрезден, куда прибыл 4 Мая. Перед отъездом послал он к Государю своего Генерал-Адъютанта Графа Нарбонна с предложениями, по-видимому, клонившимися к миру, но на самом деле целью Наполеона было только вывести настоящие намерения Государя и узнать, что происходило в Вильне²³. Вместе с тем Наполеон велел армии перейти через Одер и приблизиться к Висле.

В исходе Апреля приехал в Вильну Граф Нарбонн. «Сообщения, которые он Мне привез, – писал Государь Наследному Шведскому Принцу, – содержат в себе множество несправедливых жалоб на Россию и много такого, что истолковано совершенно в превратном виде». Сии жалобы также были пространно изложены в доставленной Нарбонном ноте Французского Министерства. В ответе нашем пояснили самым подробным образом все спорные статьи, возникшие в течение двух лет; повторили все, что с 1810 года было поставляемо на вид Наполеону о несправедливости нератифицированной им конвенции, касавшейся Польши, об Ольденбургском деле, о торговле с нейтральными Государствами, о точном соблюдении Россией Тильзитского договора, о нарушении сего трактата Наполеоном. В заключение объяснены были обстоятельства, которые побудили Государя заботиться о средствах к обороне. Развитие сих средств было потом выставлено Наполеоном единственной причиной разрыва, между тем как

²² Собственноручное повеление Государя Барклаю-де-Толли, от 7 Апреля.

²³ Со слов Вице-Канцлера Графа Нессельроде, который был употреблен для переговоров с Нарбонном.

они были только естественным следствием насильственных мер, посредством коих Французское владычество распространялось и приближалось к России. Видя на будущее, столь несогласные с сохранением всеобщего спокойствия, предписывали пешись о безопасности Империи. Что стало бы с Россией, если бы она иначе судила о событиях, совершавшихся перед целым светом, внушавших столь справедливые опасения, и без принятия оборонительных мер дожидалась сбора более 500 000 человек в сопредельных ей землях? Ее вооружения соответствовали вооружениям Франции, армии коей, равно как и войска ее союзников, все более и более подвигались к Неману. В таком положении дел оставалось одно средство для избежания войны, и это средство находилось во власти Наполеона, а именно: согласно предложениям Государя очистить Пруссию и Шведскую Померанию и потом приступить к переговорам.

Вот сущность отзыва, данного Графу Нарбонну, которого Государь два раза удостоивал принимать в особенных аудиенциях. Вскоре после отъезда его из Вильны Государь получил донесение от Кутузова о подписании предварительных статей мира в Бухаресте, что сопряжено было с великими затруднениями. Французский Поверенный в Делах в Константинополе не переставал уверять Порту, что в самой скорости между Россией и Францией возгорится война, что Русские будут на Дунае малочисленны, что для Турции, в которой, по его словам, Наполеон принимал живейшее участие, настал самый благоприятный случай загладить ее многолетние неудачи. То же самое подтверждал Наполеон в письмах к Султану, предлагая ему заключить с Францией тесный союз и возвратить все завоевания, сделанные Русскими в течение последних шестидесяти лет. Государь, со Своей стороны, именем Отечества вызывал Кутузова употребить все усилия для заключения мира. Кутузов отвечал следующими словами, которые должны запечатлеться в сердце каждого Русского: «Вы, Всемилостивейший Государь, изволите вызывать меня именем Отечества, которое, конечно, и я люблю всеми чувствами: но где имя Ваше, Государь, там не надобно мне гласа Отечества»²⁴.

Турки начинали склоняться на обольстительные внушения Французов и были доведены ими до такого колебания, что неуступчивость с нашей стороны могла произвести разрыв. Тогда Кутузов решился переступить по одной статье данное ему полномочие и 4 Мая подписал в Бухаресте предварительные условия мира. В оправдание свое он доносил: «Предаюсь великодушию Вашего Императорского Величества. Что я ничего лучшего сделать не мог, тому причиной положение дел в Европе; что я никаких не упустил стараний и способов, тому свидетель Бог. Уважьте, Всемилостивейший Государь, что при всех лестных обещаниях, от Франции Порте делаемых, и при ожидании неприятностей для Порты в случае ее отказа заключить мир, выгоднейший Ясского и Кайнарджийского, ибо Порта лишается своих лучших пяти крепостей и с немалым пространством земли, дело не пустое. Но ежели, за всем тем, выгоднее будет разорвать все, мной сделанное, в таком случае приму без роптания все, что касательно меня последовать может: несчастье частного человека с пользой общей ни в какой расчет не входит»²⁵.

Через два дня после подписания мира приехал в Бухарест новый Главнокомандующий Дунайской армией, Адмирал Чичагов. По получении из Константинополя ратификации мира должен он был, с одной частью армии, выступить через Сербию к берегам Адриатического моря и действовать против Наполеона с Славянскими племенами, там обитающими и находившимися тогда под владычеством Франции. Кутузов, сдав Чичагову армию, поехал в Петербург.

В одно время с донесением Кутузова о мире пришло уведомление из Вены, что одна крайность и изнеможение воспретили Венскому Двору объясниться с Наполеоном голосом твердым и, к прискорбию, побудили заключить союз. Император Франц изъявлял живейшее желание, чтобы Государь вошел в его положение и сообразно тому судил об его поступке. Он уверял в продолжении прежней привязанности, содержании втайне совершенного согласия

²⁴ Донесение от 20 Апреля.

²⁵ Донесение от 4 Мая.

насчет выгод обоих Дворов; говорил, что отнюдь не будет считать себя участником в злополучной борьбе на севере, если бы она загоралась; что за исключением 30 000 человек, в которых он не мог отказать Наполеону, требовавшему 50 000, коих число никогда не будет увеличено, доброе согласие может сохраняться на остальных границах, занятых Русскими и Австрийскими войсками. Далее Император Франц говорил, что он ожидает только уверений с нашей стороны в этом отношении и тогда уничтожит вооружения на южной границе; наконец, что при некотором обороте войны может наступить время, когда ему возможно будет явно показать участие, которого он никогда не перестанет питать к Государю²⁶. Уверения в неизменности чувствований Императора Франца повторены были словесно в Вильне возвращавшимся из Петербурга в Вену Австрийским Поверенным в Делах, Лебцельтерном. Государь отвечал ему, что будет соображать Свои действия с поступками Венского Двора.

²⁶ Донесение Российского Посланника в Вене, Графа Стакельберга, от 29 Апреля.

Исчисление армий Наполеона и императора Александра

Состояние Французской армии в 1810 году. – Состояние ее в 1811 году. – Формирование резерва. – Расписание армии, назначенной для нашествия на Россию. – Числительная сила Наполеоновой армии. – Военные распоряжения Императора Александра. – Учреждение рекрутских депо в 1808 году. – Состояние Российской армии к 1 Января 1811 года. – Изменения в составе армии в течение 1811 года. – Военные силы России в 1812 году. – Образование резервных армий. – Образование 1-й и 2-й Западных армий. – Состав и расписание трех действующих армий. – Формирование новых дивизий и волонтерных войск. – Войска, не вошедшие в состав действующих армий. – Запасные парки.

Изложив происшествия до Мая месяца 1812 года, когда оставалось только шесть недель до нашествия неприятельского, и показав предлоги, под коими Наполеон таил сокровенную цель свою поколебать Россию, представим, какие силы собраны были врагом нашим для нашествия и в чем заключались оборонительные средства России.

Во Французской Империи считалось, со времени присоединения к ней Голландии и разных областей Германии, 45 100 000, в Илирийских провинциях 1 500 000, в Королевстве Итальянском 6 400 000, всего, под непосредственным владычеством Наполеона, более 50 000 000 жителей. В исходе 1810 года, когда Наполеон утвердился в намерении напасть на Россию, его армию составляли:

Пехота:	
Пехоты линейной	100 полков
Пехоты легкой	28 полков
	128 полков
Кавалерия:	
Карабинер	2 полка
Кирасир	14 полков
Драгун	30 полков
Конных егерей	26 полков
Гусар	11 полков
	83 полка
Итого	211 полков

Почти во всех пехотных полках было по пяти батальонов, в конных по четыре эскадрона. Артиллерия была разделена на 8 полков пеших и 6 конных. Все сии войска, в конце 1810 года, распределены были следующим образом:

	Пехотные полки	Кавалерийские полки
В Испании	69	39
В Италии	17	10
В Илирии и на Ионических островах	8	2
В Голландии	5	4
В колониях	1	
В Немецкой земле	13	12
Во Франции	15	16
Итого	128	83

Сверх того: 1) во Франции находились все четвертые и пятые батальоны полков Германской армии и пятые батальоны полков, употребленных в других землях; 2) гвардии, частью во Франции, частью в Испании, 24 батальона и 22 эскадрона; 3) 62 батальона и 20 эскадронов иностранных войск, которые назывались «вспомогательными».

По списку 15 Февраля 1811 года состояло действующих войск:

В Испании	305 245 человек
В Италии	47 846
В Иллирии и на Ионических островах	16 685
В Голландии	22 823
В Германии	47 250
Во Франции	198 610
Гвардии	57 302
Итого	675 761

Весь 1811 год употреблен был на составление новых полков и пополнение уже существовавших прежде, к чему назначены были конскрипция и войска бывшего Голландского Королевства, вошедшего в состав Франции. Линейная пехота умножена семью, легкая тремя полками. Находившиеся в Германии полки сформированы в 6 батальонов: пятые поступили в число действующих, шестые остались во Франции. В кавалерии вновь сформировали 1 конноегерский и 2 Польских уланских полка. Каждый кирасирский полк приведен в 1 100 человек. Из 30 драгунских полков оставили 24 и расформировали 6, для составления из них 9 конноегерских полков, вооруженных пиками, что Наполеон почитал нужным для действия против казаков. В артиллерии прибавили 2 полка пеших; гвардия умножена 14 батальонами и 2 эскадронами и состояла из 38 батальонов и 28 эскадронов.

К 15 Октября 1811-го переформирование и усиление войск было кончено. По списку того числа, армия состояла из 850 000 человек, разделенных на 815 батальонов и 380 эскадронов, и распределена была следующим образом:

	Батальонов	Эскадронов
В Испании	270	145
В Италии	48	24
В Иллирии и на Ионических островах	33	2
В Немецкой земле	87	56
В Утрехтском лагере	16	3
В лагере при Зюдлареме	13	4
В Булонском лагере	28	
Во Франции линейные войска, гвардия и резервные батальоны и эскадроны полков, употребленных за границей	320	146
Итого	815	380

Кроме сих войск, Наполеон располагал также войсками своих союзников, военные силы которых в начале 1812 года, находившиеся в распоряжении Наполеона, состояли в следующем:

В Итальянском Королевстве	50 000 человек
В Неаполитанском Королевстве	50 000
В Варшавском Герцогстве	60 000
Баварских войск	40 000
Саксонских войск	30 000
Вестфальских войск	30 000
Вюртембергских войск	15 000
Баденских войск	9 000
В мелких владениях Рейнского Союза	23 000
Вспомогательный корпус Австрии	30 000
Вспомогательный корпус Пруссии	20 000
Итого	357 000
Армия собственно Французской Империи	850 000
ВСЕГО	1 187 000

С таким количеством войск Наполеон мог, не ослабляя сил своих в Испании, двинуть громадную армию против России. Однако, несмотря на обширность своих способов, он приготовил резерв на случай неудачи в замышляемом нашествии. Обыкновенная конскрипция казалась ему для того недостаточной, и он прибегнул к средству чрезвычайному, призвав к поголовному вооружению народонаселение Французской Империи и Итальянского Королевства. Вооружение сие, названное *народной стражей*, разделялось на три набора. В первый набор записаны все молодые люди от 20 до 26 лет, которых во Франции и Итальянском Королевстве нашлось 1 940 000. Во второй поступили люди от 26 до 40 лет, бывшие в состоянии носить оружие. Число их простиралось до 4 000 000. В третий набор— люди от 40 до 60 лет. Употребляя на службу только пятую часть набора, Наполеон мог из первого иметь под ружьем 580 000, а из второго 800 000 человек. Народная стража была разделена на когорты, которые

назначались только для внутренней службы во Франции и охранения границ ее. Сто когорт первого набора, каждая из 1 120 человек, должны были немедленно поступить в распоряжение Военного Министра. Несмотря на торжественное обещание и определение Сената не выводить когорт за пределы Франции, большая часть из предоставленных в распоряжение Военного Министра когорт первого набора, 95 000 человек, в течение 1812 года посланы были за Рейн, где составили из них маршевые батальоны и потом отправили в Россию.

Устроив средства нашествия на Россию и, в случай надобности, обороны Франции, Наполеон занялся в начале 1812 года образованием так называвшейся Великой Армии, назначенной против России. Она состояла из гвардейского, 12 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпусов. В гвардейском и пехотных корпусах находилось по 1 легкой кавалерийской дивизии; число же пехотных дивизий в корпусах было не равно, от двух до шести.

ГВАРДИЯ, под начальством Маршалов Мортье, Лефевра и Бессьера.

Пехота, 4 дивизии: 1 старой гвардии, 2 молодой гвардии и 1 Польская; *конница*, 1 легкая дивизия – 54 батальона, 35 эскадронов.

1-й КОРПУС, Даву. *Пехота*, 5 дивизий; *конница*, 1 легкая дивизия – 88 батальонов, 16 эскадронов.

2-й КОРПУС, Удино. *Пехота*, 3 дивизии; *конница*, 1 легкая дивизия – 51 батальон, 20 эскадронов.

3-й КОРПУС, Нея. *Пехота*, 3 дивизии; *конница*, 1 легкая дивизия – 48 батальонов, 24 эскадрона.

4-й КОРПУС, Вице-Короля Италийского. *Пехота*, 4 дивизии: 2 Итальянские и 2 Французские; *конница*, 1 легкая дивизия – 57 батальонов, 24 эскадрона.

5-й, или ПОЛЬСКИЙ КОРПУС, Понятовского. *Пехота*, 3 дивизии; *конница*, 1 легкая дивизия – 44 батальона, 20 эскадронов.

6-й, или БАВАРСКИЙ КОРПУС, Сен-Сира. *Пехота*, 2 дивизии; *конница*, 1 легкая дивизия – 28 батальонов, 16 эскадронов.

7-й, или САКСОНСКИЙ КОРПУС, Ренье. *Пехота*, 2 дивизии; *конница*, 1 легкая дивизия – 17 батальонов, 16 эскадронов.

8-й, или ВЕСТФАЛЬСКИЙ КОРПУС, Вандама. *Пехота*, 2 дивизии; *конница*, 1 легкая бригада – 16 батальонов, 8 эскадронов.

9-й КОРПУС, Виктора. *Пехота*, 3 дивизии; *конница*, 1 легкая дивизия – 54 батальона, 16 эскадронов.

10-й КОРПУС, Макдональда. *Пехота*, 2 дивизии: 1 Французская и 1 Прусская; *конница*, 1 Прусская дивизия – 36 батальонов, 16 эскадронов.

11-й КОРПУС, Ожеро. *Пехота*, 6 дивизий; *конница*, 1 легкая дивизия – 83 батальона, 37 эскадронов²⁷.

12-й, или АВСТРИЙСКИЙ КОРПУС, князя Шварценберга. *Пехота*, 3 дивизии; *конница*, 1 дивизия – 27 батальонов, 54 эскадрона.

Итого в гвардейском и 12 пехотных корпусах – 603 батальона, 302 эскадрона.

РЕЗЕРВНАЯ КАВАЛЕРИЯ, под главным начальством Мюрата, Короля Неаполитанского.

1-й КОРПУС, Нансути. 3 дивизии: 1 легкая и 2 тяжелых – 60 эскадронов.

2-й КОРПУС, Монбрена. 3 дивизии: 1 легкая и 2 тяжелых – 60 эскадронов.

3-й КОРПУС, Груши. 3 дивизии: 1 легкая и 2 тяжелых – 60 эскадронов.

²⁷ Ожеро не вступал в Россию и во время войны находился в Пруссии; из его корпуса только 3 дивизии, в течение похода, вошли в наши пределы.

4-й КОРПУС, Латур-Мобура. 2 дивизии: 1 легкая и 1 тяжелая – 44 эскадрона.

Итого – 224 эскадрона.

Всего: 603 батальона, 526 эскадронов.

Число неприятельских войск, вторгнувшихся в Россию, как вместе с Наполеоном, так и после, в продолжение войны, составляло, по сведениям, хранящимся во Французском Генеральном Штабе, до 610 000 строевых, а с чиновниками разных армейских управлений, марки-тантами, денщиками, ремесленниками и вообще нестроевыми до 700 000 человек²⁸. В армии находилось 187 111 лошадей и 1372 орудия, в числе коих 130 осадных, назначенных против Риги. В этом многочисленном воинстве участвовали все народы твердой земли Европы, за исключением Шведов, Датчан и Турок. Оно было предводимо первым полководцем нашего века и упиралось на цепь находившихся во власти его крепостей на Висле, Одере, Эльбе, Рейне и других местах от Немана до Пиренеев и Средиземного моря.

В течение трех лет после Тильзитского мира в России не было сделано приготовлений к войне против Наполеона. Важнейшей военной мерой, принятой в 1808 году, было учреждение *запасных рекрутских депо*, имевшее целью отвращение неудобств, сопряженных с скорым распределением в полки рекрут, после приема их. Такие депо, постепенно усиливаясь и совершенствуясь в своем устройстве, составили в армии сильный резерв, который увеличил линейную пехоту почти четвертой, а кавалерию пятой частью. Первоначально, в силу Именного указа 10 Октября 1808 года, депо были учреждены для одной пехоты и сообразно непременно расположению войск на квартирах находились в 26 местах: Заславе, Ивенце, Владимире, Дмитрове, Ровно, Белгороде, Тетюшах, Чуднове, Рославле, Торопце, Холме, Каргополе, Брянске, Новомиргороде, Екатеринославе, Ахтырке, Ивановском, Старой Руссе, Харькове, Ольвиополе, Белом, Глухове, Азове, Олонце, Коростыне и Ярославле. Число депо соответствовало числу дивизий (2 гренадерские и 24 пехотные), составлявших в то время армейскую пехоту. Каждое депо делилось на 6 рот, по числу полков в дивизии; в каждой роте полагались 1 обер-офицер, 4 унтер-офицера и 40 рядовых, командированных от полка для сопровождения и обучения приписанных к нему рекрут. Число сих последних не было определено; наблюдалось только, чтобы во всех ротах оно было по возможности одинаково. Независимо от показанного выше числа конвойных чинов, от каждой дивизии командировались в депо 1 штаб-офицер для командования оным, 2 барабанщика и 6 нижних нестроевых чинов да из гарнизонных инвалидных рот 1 обер-офицер, 1 унтер-офицер и 10 рядовых; первый для должности адъютанта, остальные для караулов при магазинах, лазаретах и т. д. Таким образом, во всех 26 депо находилось 7254 действующих и 312 инвалидных чинов. Начальство над всеми поручено было Главному Командиру запасных рекрут. 12 Августа 1809 года в каждом депо повелено было иметь рекрут и для кавалерии, от 80 до 350 человек; при них от кавалерийских полков не менее 1 обер-офицера, 3 унтер-офицеров и 12 рядовых с 10 лошадьми и не более 2 обер-офицеров, 10 унтер-офицеров и 50 рядовых с 40 лошадьми. В таком состоянии оставалась сия новая часть Российской военной силы три года. В 1811 году произошли в ней перемены и преобразования, которые, для сохранения хронологического порядка, изложатся ниже. Собственно приготовления к войне против Наполеона начались с Января 1811 года, когда стали явны враждебные замыслы Наполеоновы против России и его войска начали собираться в Немецкой земле. Тогда и Император Александр занялся оборонительными мерами, что продолжалось весь 1811 год. Изобразим, как постепенно увеличивались вооружения России и доведены были до той степени, на которой находились при вторжении Наполеона. Для сего надобно предварительно обозреть, сколько было у нас войск 1 Января 1811 года. Всю регулярную военную силу России составляли: 4 полка и 1 батальон гвардии, 14 полков гренадерских, 80 мушкетерских и 46 егерских;

²⁸ Reponse aux Notes critiques de Napoleon, par le lieutenant general Rogniat, 187.

6 полков и 2 казачьи сотни гвардейской кавалерии, 6 полков кирасирских, 36 драгунских, 5 уланских и 11 гусарских; 25 бригад артиллерии, из коих 1 гвардейская; 2 полка пионеров и 2 учебных гренадерских батальона. Во всех сих войсках полагалось по штату в военное время:

Пехоты	303 489 человек
Кавалерии	74 024
Артиллерии	40 037
Пионеров	4 540
2 учебных гренадерских батальона	2 146
23 гарнизонных полка, составлявшие 56 батальонов и 47 отдельных батальонов, в том числе лейб-гвардии гарнизонный	83 096
69 артиллерийских гарнизонных рот, 4 лабораторные и 1 бомбардирская	15 377
85 инвалидных рот, при дворцах, заводах и гарнизонных полках и батал.	14 507
16 инвалидных команд в разных крепостях	640
ВСЕГО сухопутной силы к 1 Января 1811 года, кроме иррегулярных войск, 29 неслужащих инвалидных команд в разных городах и 4 морских полков, состоявших в ведении Адмиралтейств-Коллегии	537 856

Пехота

Все гвардейские, гренадерские, мушкетерские и егерские полки были трехбатальонные, кроме лейб-гвардии Преображенского полка, состоявшего из 4 батальонов. Батальон имел 4 роты. В военное время 1-й и 3-й батальоны полка должны были выступать в поход в полном составе и тогда принимали название 1-го и 3-го действующих батальонов; 2-й оставался в своих квартирах под названием запасного и служил для укомплектования полка, но гренадерская его рота также следовала в поход. В последнем случае гренадерские роты вторых, или запасных, батальонов дивизии образовывали при ней два сводных гренадерских батальона, каждый из 5 рот. При составлении корпуса из двух дивизий сводные гренадерские батальоны составляли сводную гренадерскую бригаду. В начальники ее избирался отличнейший из бригадных командиров корпуса; в командиры батальонов – отличнейшие из штаб-офицеров запасных батальонов дивизии. Сводная гренадерская бригада составляла резерв корпуса, а соединение таких бригад в целой армии – резерв ее. Оставленные на квартирах запасные батальоны дивизии, то есть 18 рот, составляли бригаду, под командой старшего штаб-офицера. В войсках, находившихся против Турок, распоряжение сие повелено было привести в действие по окончании войны²⁹.

²⁹ Рескрипт Военному Министру, от 12 Октября 1810.

Кавалерия

Все кирасирские и драгунские полки были пяти-, гусарские и уланские десятиэскадронные, исключая лейб-гвардии гусарский и уланский, имевшие по 5 эскадронов; лейб-казачий состоял из 3 сотен, или эскадронов. Кроме сего разделения, армейские гусарские и уланские полки делились каждый на 2 пятиэскадронных батальона. В военное время, в кирасирских и драгунских полках, один эскадрон из 3 средних, а в уланских и гусарских по одному из 5 средних эскадронов каждого батальона, по выбору шефа, должны были оставаться в своих квартирах, под названием *запасных*, и служили для укомплектования людьми и лошадьми прочих эскадронов, именовавшихся в таком случае *действующими*. В кирасирских дивизиях запасные эскадроны от целой дивизии составляли одну запасную бригаду; в прочих кавалерийских дивизиях, имевших по 4 полка драгунских и по 2 гусарских, или уланских, были по 2 запасные бригады: одну составляли 4 эскадрона тяжелой, другую 4 эскадрона легкой кавалерии³⁰.

³⁰ Указ Военному Министру, от 8 Ноября 1810.

Артиллерия

Состав артиллерийских бригад был не одинаковый: 16 бригад имели по 2 роты батарейных, 2 легкие, 1 конную и 1 понтонную; прочие менее. Всех рот было: 54 батарейных, 54 легких, 22 конных, и при морских полках 2 легкие. В каждой батарейной роте полагались: 4 полупудовых единорога, 4 двенадцатифунтовые пушки средней, 4 малой пропорции и 2 трехфунтовых единорога; в легкой 4 двенадцатифунтовых единорога и 8 шестифунтовых пушек; в конной 6 двенадцатифунтовых единорогов и 6 шестифунтовых пушек; в понтонной 50 понтонов. Некоторые из понтонных рот не имели понтонов, ибо самые роты находились в разных крепостях, вместо гарнизонов, и при парках.

Пионерные полки

Каждый из обоих пионерных полков имел по 2 батальона, состоявших из 4 рот: минерной и трех пионерных.

Гарнизоны

Каждый гарнизонный батальон имел 4 мушкетерские, или строевые, роты; в батальонах, состоявших на внутреннем положении, была еще пятая рота, инвалидная.

В пехоте 2 полка составляли бригаду, 2 или 3 бригады дивизию. В гренадерской дивизии все 6 полков были гренадерские; в пехотной были 4 мушкетерских и 2 егерских. В кавалерии две дивизии были кирасирские; прочие назывались кавалерийскими, каждая из 4 полков драгунских и 2 полков гусар или улан. Несколько пехотных и кавалерийских дивизий вместе составляли корпус, исключая находившиеся в Новороссийском крае и в армии, действовавшей против Турок, где корпусов не было.

Начало 1811 года ознаменовано важными преобразованиями в составе военно-сухопутной силы. Главнейшим из них было, в Январе, упразднение 52 гарнизонных батальонов, усиление линейной пехоты 13 новыми полками и учреждение в городах внутренней стражи. Упразднение 52 гарнизонных батальонов последовало таким образом, что в каждом назначенном к расформированию батальоне три роты, из лучших людей набранные, поступили в состав новых 15 полков, а остальные, то есть четвертые роты, всего числом 52, распределены по 39 губернским городам и там, в соединении с штатными губернскими ротами, издавна существовавшими в виде военной полиции в заведывании гражданского начальства, составили двухротные полубатальоны, именовавшиеся по губернским городам: *такой-то внутренний гарнизонный, или внутренний губернский полубатальон*. Из остальных затем 11 четвертых рот составлены подобные же, но четырехротные батальоны: два в Крыму и один в крепости Поти. Вновь сформированные 13 полков были: Воронежский, Брянский, Литовский, Подольский, Эстляндский, Орловский, Галицкий, Великолуцкий, Пензенский и Саратовский мушкетерские и 47, 48 и 49-й егерские; последний в скором времени переименован в пехотный Софийский. Внутреннюю, или губернскую, стражу составили полубатальоны: С.-Петербургский, Ревельский, Псковский, Митавский, Рижский, Новгородский, Тверской, Ярославский, Владимирский, Костромской, Вологодский, Петрозаводский, Куопиосский, Выборгский, Нижегородский, Пермский, Пензенский, Саратовский, Тамбовский, Воронежский, Тульский, Рязанский, Орловский, Витебский, Смоленский, Могилевский, Калужский, Житомирский, Киевский, Черниговский, Полтавский, Харьковский, Курский, Каменец-Подольский, Гродненский, Виленский, Минский, Белостокский, Ново-Галицкий, и батальоны: 1-й и 2-й Крымские и Потийский.

Потом, в продолжение 1811 года, происходили следующие перемены и усиления:

а) По пехоте. 22 Февраля, мушкетерские полки велено называть пехотными. 16 Июля, в дополнение к существовавшим в С.-Петербурге двум учебным гренадерским батальонам сформирован еще один, в Казани. 9 Октября, в Москве, из частей отдельных от разных пехотных и гарнизонных полков и гарнизонных батальонов, находившихся в северных губерниях, сформирована новая пехотная дивизия, получившая номер 27 и состоявшая из полков: Одесского, Тарнопольского, Виленского и Симбирского пехотных и 49-го и 50-го егерских. 19 Октября, принадлежавший к составу гвардии, лейб-гвардии Финляндский батальон переформирован в трехбатальонный полк. 7 Ноября, гвардия усилена одним трехбатальонным полком, лейб-гвардии Литовским, на составление которого отделен один из четырех батальонов Преображенского полка, принявшего затем трехбатальонный состав.

б) По кавалерии. 12 Октября, из частей, отделенных от разных армейских кавалерийских полков, сформированы два новых кирасирских полка: Астраханский и Новгородский, каждый в 5 эскадронов.

с) По артиллерии. 24 Февраля, все роты, вместо Фамильных имен командиров, велено называть номерами, и из них составлены: 26 бригад полевых, 10 резервных и 4 запасные. Каждую полевую бригаду составляли: 1 рота батарейная и 2 легкие; в 10 резервных бригадах счита-

лись: 22 роты конные, 17 батарейных, 4 легкие и 8 понтонных; в запасной бригаде были: 1 рота конная, 1 батарейная и 4 понтонные. *15 Октября*, для вновь формировавшейся 27-й пехотной дивизии сформирована в Гжатске новая полевая артиллерийская бригада, принявшая № 27. *24 Декабря*, каждая армейская рота, кроме запасных бригад, усилена 30 канонерами.

д) По гарнизону. *15 Марта*, для завоеванных Турецких крепостей: Бендер, Измаила, Аккермана, Килии, Браилова, Журжи и Турпо, сформированы 4 артиллерийские гарнизонные роты и 7 артиллерийских гарнизонных команд. *20 Марта*, сформирован четырехротный гарнизонный батальон, под названием Уральского.

е) По внутренней страже. *14 Марта*, внутренняя стража, умноженная еще одним трехротным батальоном, Екатеринославским, разделена на 8 округов, в каждом по 3 бригады, и с тем вместе велено постепенно приводить полубатальоны в 3-и ротные батальоны. *20 Марта*, из половины существовавшего в Симбирске гарнизонного батальона и тамошней штатной губернской роты сформирован трехротный Симбирский внутренний губернский полубатальон. *27 Марта*, из всех инвалидов, состоявших при расформированных, за два месяца перед тем, гарнизонах внутреннего положения, также из инвалидных команд, существовавших в разных городах по учреждению 26 Февраля 1764 года, и из инвалидов, которые, по дряхлости и увечью, получали казенное содержание, не неся никакой службы, сформированы в 425 уездных городах команды служащих и неслужащих инвалидов: первые в числе 48 человек каждая, а в последних число людей определено не было. Все они именовались по своим уездным городам и в каждой губернии были подчинены командирам батальонов, или полубатальонов внутренней стражи, кроме губерний Астраханской, Казанской и Архангельской, где они состояли в заведывании командиров тамошних гарнизонных полков. На Сибирские губернии распоряжение сие также не распространялось; там остались, по-прежнему, при гарнизонных полках инвалидные роты; при батальонах же инвалидные команды.

ф) По подвижному инвалиду. В одно время с учреждением уездных инвалидных команд сформированы 55 подвижных инвалидных рот, каждая из 170 человек. Из них 17 назначены для прислуги и караулов при дворцах, казенных фабриках и т. д., а 18 в армию, для госпиталей. В продолжение года число сих рот было увеличено еще одиннадцатью.

г) По иррегулярным войскам. *7 Апреля*, учреждены три полка: один из Ставропольских Калмыков в 560 и два из Башкир в 500 человек.

h) По рекрутским депо. *21 Января*, учреждены депо для артиллерии, в Пскове, Смоленске, Стародубе и Конотопе; последние два вскоре перемещены в Брянск и Глухов. *12 Марта*, запасные рекрутские депо повелено называть просто рекрутскими депо. *16 Марта*, рекрутские депо приписаны к дивизиям неперменными; Псковское же, Смоленское, Брянское и Глуховское оставлены, по-прежнему, для артиллерии. *1 ° Сентября*, в Петрозаводске, Новгороде, Твери, Калуге, Туле, Орле, Курске, Харькове и Екатеринославе, при тамошних внутренних батальонах и полубатальонах, а в Москве при гарнизонном полку, учреждены новые рекрутские депо второй линии; прежние же депо, составившие первую линию, разделены на 2 дивизии, каждая из 4 бригад армейских и 1 артиллерийской, и одну отдельную бригаду, имевшую главную квартиру в Таганроге и подчиненную Новороссийскому Военному Губернатору. Квартира 1-й дивизии была в Торопце, 2-й в Ромнах. *9 Ноября*, из армейских рекрутских депо, 15 разделены на трехротные батальоны, каждое сообразно числу полков, от которых состояли в них команды, так, чтоб 13 было по 3, в одном 4 и в одном 5 батальонов; каждый батальон состоял из 7 офицеров, 52 нижних чинов действующих, или конвойных, и 500 рекрут и именовался 4-м резервным или, просто, резервным батальоном того полка, от которого имел конвойную команду. Затем последовательно разделяемы были таким же образом и остальные депо. *18 Ноября*, разделены на роты артиллерийские рекрутские депо Псковское и Смоленское, каждое на 6 пеших и 1 конную; Брянское на 4 пеших и 3 конные; Глуховское на 5 пеших и 3 конные. В 9 артиллерийских депо повелено отделить по 600, а в одном 900 рекрут для кавале-

рии, с разделением последнего на 6, прочих же на 4 эскадрона, которые и получили названия: в кирасирских и драгунских полках шестых, в уланских и гусарских одиннадцатых и двенадцатых резервных. 22 *Ноября*, 1-й и 2-й рекрутские, или резервные, дивизии названы 1-м и 2-м резервными корпусами, бригады дивизиями, депо бригадами, что распространялось и на артиллерийские депо. Главное начальство над обоими резервными корпусами возложено на Военного Министра; бывший же Главный Командир рекрутских депо принял звание Дежурного Генерала при Военном Министре по части рекрутской. 26 *Ноября*, разделены рекрутские депо второй линии, каждое на 3 батальона, а батальон на 4 роты. К каждому батальону причислена одна рота внутреннего гарнизона того губернского города, в котором было расположено депо.

В дополнение к распоряжениям, состоявшимся в 1811 году, должно отнести еще рекрутский набор с 500 душ по 4, о чем Именной указ состоялся 16 Сентября.

За всеми сими переменами, к Марту 1812 года, регулярную военную силу России составляли:

6 полков гвардейской пехоты, в каждом	2 168 13 008	чинов
14 полков грендерских, в каждом	2 557 32	998
96 полков пехоты, в каждом	2 357 226	272
50 полков егерских, в каждом	1 511 75	550
4 полка морских, по 2 422, и гвардейский экипаж в	518 10	206
6 полков и 2 сотни гвардейской кавалерии	5	308
8 полков кирасир, в каждом	949 7	592
36 полков драгун, в каждом	955 34	380
5 полков улан, в 4 полках по 1 825, да в Чугуевском	1 467 8	767
11 полков гусар, по	1 825 20	075
2 полка пионер, по	2 270 4	540
5 рот гвардейской артиллерии	1	263
49 рот батарейной пешей артиллерии	15	534
54 роты легкой пешей артиллерии	14	812
22 роты конной артиллерии	6	287
24 роты понтонных	5	880
3 учебных грендерских батальона, в каждом по	1 073	3 219
12 гарнизонных полков (30 батальонов) и 19 батальонов, в том числе		
и гвардейский	39	326
46 батальонов и полубатальонов внутренней стражи, или 131 рота.	22	008
397 служащих инвалидных команд, подведомственных внутренней страже,		
и 22, подчиненные отдельным гарнизонным полкам и батальонам, в каждой по	48 20	112
46 подвижных инвалидных рот, в каждой по	170 7	820
77 рот артиллерийских гарнизонных и лабораторных.	16	016
Итого к Марту 1812 года	590	973

Орудий состояло:

В гвардейской артиллерии	58
В батарейных ротах	686
В легких ротах	548
В конных ротах.	264
Итого	1 556

Все линейные войска составили: 1 пешую гвардейскую, 2 грендерских, 27 пехотных, 1 гвардейскую кавалерийскую, 2 кирасирских и 8 кавалерийских дивизий, 1 гвардейскую артиллерийскую бригаду, 27 полевых артиллерийских бригад, 10 бригад резервных и 4 бригады запасных. Пешие и конные дивизии и артиллерийские бригады вошли в состав корпусов, квартиры которых были: Цесаревича Константина Павловича в Петербурге, Графа Витгенштейна в Риге, Багговута в Вильне, Эссена в Слониме, Графа Штейнгеля в Або. Два корпуса: один Князя Багратиона, другой Дохтурова, составляли армию Князя Багратиона, в Дубно. Войска, действовавшие против Турок, составляли Дунайскую армию, под начальством Кутузова. Отдельные дивизии находились: две пехотные, 19-я и 20-я, под командой Маркиза Паулуччи и Ртищева, в Грузии и на Кавказе; 28-я Князя Волконского, в Оренбурге; 29-я, Глазенапа, в Сибири; а 15-я пехотная, 8-я кавалерийская и 4 запасных батальона в Одессе, под начальством Дюка де-Ришелье. 3 учебных батальона, 2 пионерных полка, запасные артиллерийские бригады и некоторые из рот резервных артиллерийских бригад не входили в состав армий, корпусов и отдельных дивизий.

При сличении штатного количества войск, составлявшего к 1 Января 1811 года 557 856, а к Марту 1812 года 590 973 человека, оказывается разность только в 33 117 человеках. Усиле-

ние, по-видимому, не весьма значительное, но должно заметить, что вместо 39 слабых гарнизонных батальонов, из числа 52 упраздненных в Январе 1812 года, армия увеличилась таким же числом батальонов линейной пехоты. Сверх сего, в вышеприведенное исчисление не внесено число людей в рекрутских депо, которое, по происходившей в них беспрестанной прибыли и убыли, хотя и не может быть с верностью определено, но в начале 1812 года было гораздо сильнее, нежели в начале 1811-го. 23 *Марта* 1812 года, усилена артиллерия 3 батареями, 14 легкими и 1 конною ротами, сформированными в четырех артиллерийских рекрутских депо. 14 *Марта*, из запасных, то есть вторых, и резервных, то есть четвертых, или рекрутских, батальонов составлены 18 пехотных дивизий; а из запасных, то есть остававшихся в квартирах, и резервных, то есть бывших в рекрутских депо, эскадронов составлены 9 новых кавалерийских дивизий. Пехотные приняли номера с 30-го по 47-й, кавалерийские с 9-го по 16-й включительно. Из сих 18 пехотных, 9 кавалерийских дивизий и формировавшейся с 1811 года 27-й пехотной дивизии, 15 *Марта*, велено составить 1-ю, 2-ю резервные и 3-ю обсервационную армии. 29 *Марта*, произведен рекрутский набор с 500 по 2 человека. Формирование трех резервных армий, по скорому начатию войны, не состоялось, и назначенные в состав их 19 пехотных и 9 кавалерийских дивизий поступили частью в действующие корпуса, частью на составление отдельного отряда, расположенного при Мозыре под начальством Генерала Эртеля, частью на укомплектование и усиление полков, частью были расположены в Риге, Динаминде, Митаве, Динабурге, Киеве, Житомире, а также во внутренних губерниях. Нельзя определить числа людей, находившихся в новых дивизиях, по их беспрестанным, ежедневным передвижениям и убыли, происходившей от усиления ими действовавших войск. Приблизительно было их до 100 000 человек. Независимо от сих резервов, для шести пехотных гвардейских полков сформировали в Пскове гвардейский резерв, который постепенно поступал на их укомплектование.

Из расположенных на западных границах и в Петербурге войск составили, 19 *Марта*, две Западные армии, Главнокомандующими которых назначены: 1-й – Барклай-де-Толли, 2-й – Князь Багратион. В 1-й Западной были корпуса пехотные: 2-й Багговута, 3-й Тучкова, 4-й Графа Шувалова и 5-й, Гвардейский, Цесаревича; кавалерийские резервные: 1-й Уварова и 2-й Корфа; 1-й пехотный, Графа Витгенштейна, и 6-й обсервационный, Эссена, по расписанию 19 *Марта* принадлежали к 1-й армии, но были отдельные. Во 2-й Западной армии были корпуса пехотные: 7-й Раевского, 8-й Графа Каменского, 9-й Маркова и 10-й Дохтурова; резервные кавалерийские: 3-й Чаплица и 4-й Графа Ламберта. Таким образом, в исходе *Марта* 1812 года считалось 6 армий: 1-я и 2-я Западные, Дунайская, 1-я и 2-я Резервные и 3-я Резервная Обсервационная. Последние три, как сказано выше, не получили окончательного образования. 5 *Мая*, составила новая 3-я Резервная Обсервационная армия, под начальством Тормасова. Между тем в 1-й и 2-й Западных армиях происходили в последние два месяца перед войной непрерывные перемены, после которых, к *Июню*, состав трех армий, назначенных для отражения нашествия, был следующий:

1-я ЗАПАДНАЯ АРМИЯ, БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ

Пехотные корпуса:

1, Графа Витгенштейна. *Пехота*, 2 дивизии: 5, Берга, и 14, Сазонова; 4 сводных гренадерских батальона; *конница*, полки: Рижский и Ямбургский драгунские, Гродненский гусарский и 3 казачьих – 28 батальонов, 16 эскадронов, 3 казачьих полка.

2, Багговута. *Пехота*, 2 дивизии: 4, Принца Евгения Вюртембергского, и 17, Олсуфьева; *конница*, Елисаветградский гусарский полк – 24 батальона, 8 эскадронов.

3, Тучкова 1-го. *Пехота*, 2 дивизии: 5, Коновницына, и 1 гренадерская, Графа Строганова; 2 сводных гренадерских батальона; *конница*, лейб-казаки, Черноморская сотня и Тептярские казаки – 26 батальонов, 6 эскадронов, 1 казачий полк.

4, Графа Шувалова. *Пехота*, 2 дивизии: 11, Бахметева 2-го, и 23 (из 2 бригад), Бахметева 1-го; 2 сводных гренадерских батальона; *конница*, Изюмский гусарский полк – 22 батальона, 8 эскадронов.

5, или Гвардейский, Цесаревича Константина Павловича. *Пехота*, две дивизии: гвардейская, Ермолова, и сводная гренадерская; *конница*, 1 кирасирская дивизия, Депрерадовича – 26 батальонов, 20 эскадронов.

6, Дохтурова. *Пехота*, 2 дивизии: 7, Капцевича, и 24, Лихачева; *конница*, Сумской гусарский полк – 24 батальона, 8 эскадронов.

Резервные кавалерийские корпуса:

1, Уварова. Полки лейб-гвардии: гусарский, уланский и драгунский; Курляндский, Казанский и Нежинский драгунские – 24 эскадрона.

2, Барона Корфа. Полки: Псковский, Московский, Каргопольский и Ингерманландский драгунские, Польский уланский – 24 эскадрона.

3, Графа Палена. Полки: Оренбургский, Сибирский и Иркутский драгунские и Мариупольский гусарский – 20 эскадронов.

Летучий корпус Войскового атамана Платова.

14 Донских и других казачьих полков.

Итого в 1-й Западной армии 150 батальонов, 134 эскадрона, 18 казачьих полков.

Под ружьем 127 000 человек. Орудий 558.

2-я ЗАПАДНАЯ АРМИЯ, КНЯЗЯ БАГРАТИОНА

Пехотные корпуса:

7, Раевского. *Пехота*, 2 дивизии: 26, Паскевича и 12, Колюбакина; *конница*, Ахтырский гусарский полк – 24 батальона, 8 эскадронов.

8, Бороздина. *Пехота*, 2 дивизии: 2 гренадерская, Принца Карла Мекленбургского, и сводная гренадерская, Графа Воронцова; *конница*, 2 кирасирская дивизия, Кнорринга, потом Дуки – 22 батальона, 20 эскадронов.

4 резервный кавалерийский корпус, Графа Сиверса. Полки: Харьковский, Черниговский, Киевский и Новороссийский драгунские, Литовский уланский – 24 эскадрона.

27 вновь сформированная пехотная дивизия, Неверовского. На марше из Москвы – 12 батальонов.

9 Донских казачьих полков.

Итого во 2-й Западной армии 58 батальонов, 52 эскадрона, 9 казачьих полков.

Под ружьем 48 000 человек. Орудий 216.

3-я РЕЗЕРВНАЯ ОБСЕРВАЦИОННАЯ АРМИЯ, ТОРМАСОВА

Пехотные корпуса:

Корпус Графа Каменского. *Пехота*, 18 дивизия, Князя Щербатова, и бригада из 6 сводных гренадерских батальонов; *конница*, Павлоградский гусарский полк – 18 батальонов, 8 эскадронов.

Корпус Маркова. *Пехота*, 2 дивизии: 15, Назимова, и 9; *конница*, Александрийский гусарский полк – 24 батальона, 8 эскадронов.

Корпус Сакена. *Пехота*, 36 пехотная дивизия, Сорокина, из запасных батальонов 12 и 15 дивизий; *конница*, Лубенской гусарский полк и 16 запасных эскадронов от разных полков – 12 батальонов, 24 эскадрона.

Кавалерийский корпус Графа Ламберта.

Полки: Стародубовский, Тверской, Житомирский, Арзамасский, Владимирский, Таганрогский и Серпуховской драгунские, и Татарский уланский, 9 казачьих полков, из коих 5 Донских – 36 эскадронов, 9 казачьих полков.

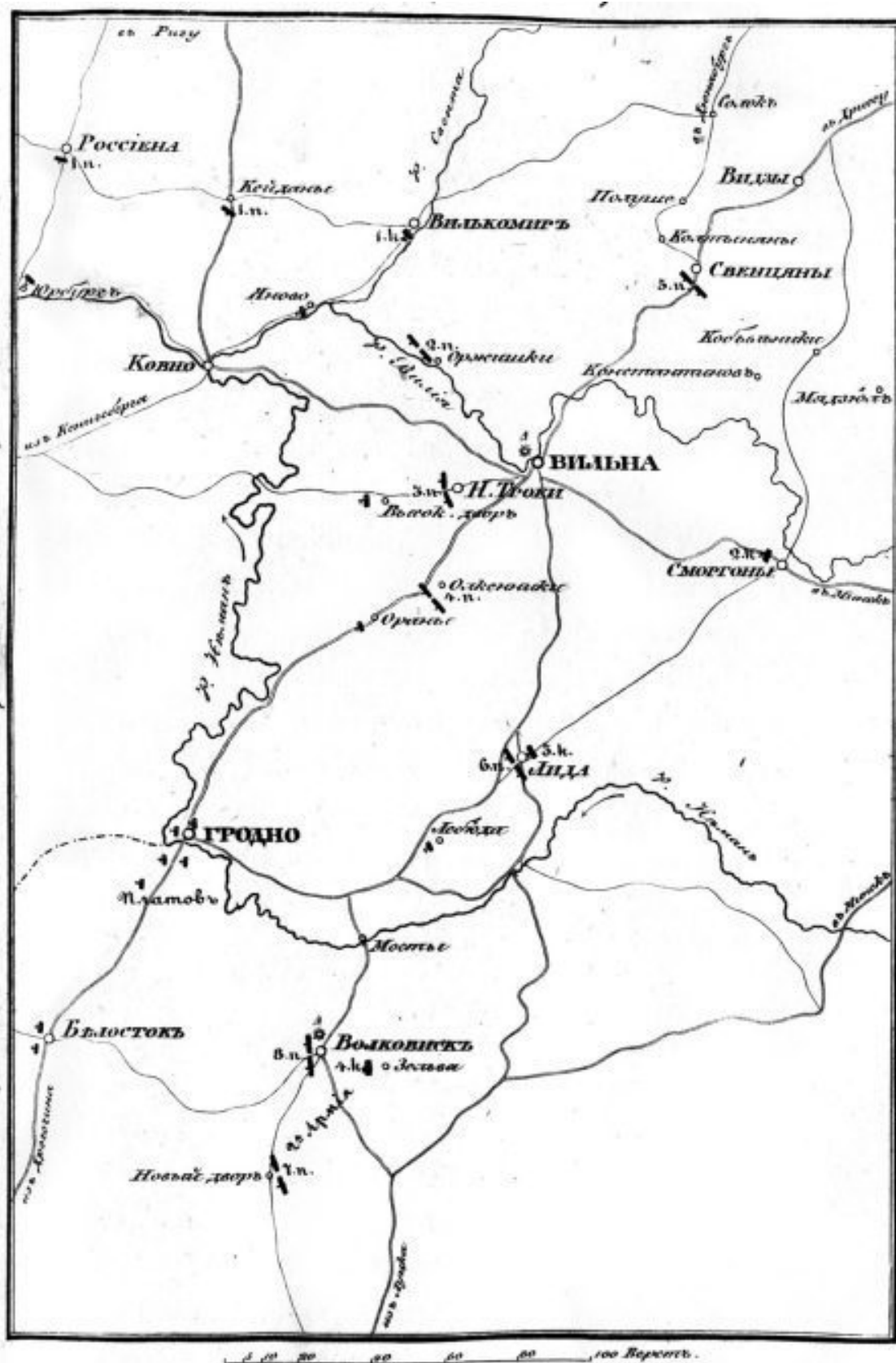
Итого в 3-й армии 54 батальона, 76 эскадронов, 9 казачьих полков.
Под ружьем 43 000 человек. Орудий 168.

Во всех трех армиях было: 262 батальона, 262 эскадрона, 36 казачьих полков, 942 орудия; под ружьем 218 000 человек.

Из рекрутов последнего набора, объявленного 29 Марта, сводимых в Ярославль, Кострому, Владимир, Рязань, Тамбов и Воронеж, формировали в каждом из сих городов по 2 полка, в первых четырех по 2 пехотных, в последних двух по 2 егерских. Для всех 12 полков, долженствовавших составить 2 дивизии, назначалось 23 888 рекрут. Вовремя: форсированно призывались полки по номерам и губерниям, как то: в Ярославле егерские 1 и 2, в Костроме пехотные 1 и 2, и т. д. Для замещения штаб- и обер-офицерских вакансий поручено было губернаторам и окружным генералам внутренней стражи приглашать отставных офицеров, имевших силы и способности продолжать службу и известных в кругу дворянства по доброму поведению. Обмундирование полков, снабжение обозом, подъемными лошадьми производилось от тех губерний, из коих рекруты назначались в полки. Впоследствии средоточием формирования, порученного Князю Лобанову-Ростовскому, назначили Владимир.

В Июне месяце, за неделю до войны, велено было Полковнику Графу Витту сформировать Украинское конное войско, в числе 4 казачьих полков, куда поступали мещане, цеховые, помещичьи, казенные, экономические, ранговые и старостинские крестьяне, из 150 ревизских душ по одному человеку, с обязанностью иметь лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду, по образцу. В полки приглашались отставные офицеры и из служивших в милиции, чиншевая шляхта и отставные унтер-офицеры. Формирование, вооружение и обучение произведено было в один месяц. Полки именовались Украинскими казачьими по нумерам: 1, 2, 3 и 4 – и поступили в армию Тормасова. В Апреле 1812 года формировался в Дерпте, по вызову отставного поручика Нирота, на собственном его иждивении, волонтерный из дворян корпус стрелков. Таким образом, в Июне было в трех действующих армиях 218 000, в запасных и рекрутских батальонах и эскадронах 100 000, во вновь формировавшихся 12 полках 23 800 да в 4 Украинских 3600 человек. Следственно, на первый случай, в готовности для отпора неприятеля и для усиления действовавших армий было с лишком 335 000 человек. Сюда не входят: 1) два полка пионеров, 4540 человек, размещенных в разных армиях и крепостях; 2) несколько иррегулярных казачьих полков, которые были на марше к армии.

Кроме того, находились: 1) *В Финляндии и Петербурге*: 3 пехотные дивизии, 6, 21 и 25, всего 54 батальона, 10 эскадронов, 8 рот артиллерии и 5 полков казачьих. 2) *В Грузии*: 33 батальона, 10 эскадронов, 5 рот артиллерии и 9 казачьих полков. 3) *На Кавказской линии*: 12 батальонов, 5 эскадронов, 3 роты артиллерии, 11 казачьих полков. 4) *В Одессе и Крыму*: 13 пехотных и 1 кавалерийская дивизии и 5 казачьих полков. 5) *В Оренбурге и Сибири*: 27 линейных и гарнизонных батальонов, 2 роты артиллерии и разные казачьи войска: Уральское, Оренбургское, Ставропольское, Калмыцкое, Башкирское и Мещерякское. 6) *В Дунайской армии* с лишком 53 000 человек и 216 орудий. 7) Отдельный корпус внутренней стражи, состоявшие на особенных положениях гарнизонные полки и батальоны и три учебных батальона. Сих различных войск нельзя было тронуть с мест их расположения. Одни были нужны там, где стояли, для охранения пределов Государства; другие в Финляндии, для высадки в Германию, согласно союзному договору с Швецией, а Дунайская армия находилась в Валахии, за неполучением от Султана ратификации мира.

Запасные артиллерийские парки расположены были в 3 линии. Парки первой стояли: в Вильне на 3 дивизии, в Динабурге на 5, в Несвиже на 1, в Бобруйске на 2, в Полонном на 3, в Киеве на 6, – итого на 20 дивизий. Парки второй линии: во Пскове на 4, в Порхове на 4, на Шостенском пороховом заводе на 5, в Брянске на 4, в Смоленске на 2, – итого на 19 дивизий. Для третьей линии: в Москве на 2, в Новгороде на 8, в Калуге на 9, – итого на 19 дивизий.

Всего, на трех линиях, было припасено парков на 58 дивизий с полным числом для артиллерии снарядов, а для полков патронов и запасных кремней. К поднятию их было готово потребное число повозок, людей и лошадей.

Последнее время перед войной

Пребывание Наполеона в Дрездене. – Расположение неприятельских войск. – Наполеон старается склонить на свою сторону Турцию и Швецию. – Вступление неприятельской армии в Восточную Пруссию. – Назначение Французского Посла в Варшаву. – Возвращение Графа Нарбонна к Наполеону с ответом Государя. – Отъезд Наполеона к армии. – Пребывание Императора Александра в Вильне. – Расположение Русских армий. – Операционный план. – Разные повеления насчет действий при неприятельском вторжении. – Учреждение магазинов. – Укрепления.

Наполеон, ожидая возвращения Графа Нарбонна из Вильны, уже две недели жил в Дрездене. Он стоял тогда на высшей степени могущества. Владетели Рейнского Союза поспешили в Дрезден представиться своему покровителю. Туда же прибыли и новые его союзники: Император Австрийский с семейством и Король Прусский с Наследным Принцем. В ожидании готовившегося великого события взоры всех были обращены только на Наполеона: за его движениями и словами следило общее внимание. Король Саксонский казался посторонним лицом в своей столице, Наполеон – настоящим повелителем и хозяином. На половине, занимаемой им, давались обеды и вечера для его данников. Слава Наполеона, еще не помраченная поражениями, озарялась непрерывной цепью побед над всеми его неприятелями. Беспрецедентное поприще, им пройденное, слепое повиновение подвластных ему стран, готовность его союзников содействовать новому предприятию, многочисленные армии, опытные в боях и убежденные в его неодолимости – все до такой степени исполнило его высокомерием, что он перестал принимать неудачи в расчеты своих замыслов, полагая всякое сопротивление своей воле невозможным и ставя себя выше ударов судьбы.

Его армия была уже на Висле. Даву стоял в Эльбинге и Мариенбурге, Удино в Мариенверде, Ней и гвардия в Торне, Вице-Король в Плоцке, Вандам, Ренье, Сен-Сир, Понятовский и четыре резервных кавалерийских корпуса между Варшавой и Модлином, Макдональд близ Кенигсберга, Австрийцы у Лемберга. Разные отряды и команды, замедлившие прибытием от обширности пространства, по коему шли они к пределам России со всех концов Европы, от Пиренейских гор и Неаполя, присоединялись к армии, пополняли корпуса, стоявшие от устьев Вислы до Карпатских гор. Войска готовы были выступить по первому повелению, которого ждали из Дрездена, но Наполеон не приводил их в движение, ибо Граф Нарбонн не возвращался из Вильны. В нетерпеливом ожидании ответа от Государя приказал он своему Послу в Петербурге, Лористону, испросить от нашего Двора разрешить ехать в Вильну и представить Государю, что настояния о выводе Французских войск из Пруссии оскорбительны, что ими посягают на независимость Короля Прусского и как будто бы требуют от сего Монарха разрыва обязательств, заключенных им с Францией. Поручение, данное Лористону, предложения, с которыми приезжал Нарбонн в Вильну, все переговоры, веденные Наполеоном в течение двух лет, были не что иное, как слабая дань, платимая им народному праву и дипломатическим обычаям века. Положив в уме своем войну с Россией, он не хотел показать себя несправедливым начинателем, навлечь на себя новые упреки в страсти к завоеваниям. Нося в глазах свиты личину умеренности, не переставал он делать Порте всех возможных внушений о продолжении войны, ибо не знал еще, что предварительные статьи мира уже подписаны в Бухаресте, и употреблял все способы к разрыву дружеских связей, укрепившихся между Россией и Швецией. Разными побочными путями сообщал он Наследному Принцу ложные вести, которые должны были поселять в нем недоверчивость к Государю и возбуждать подозрения. Ни Шведы, ни Турки не послушались его. Наследный Принц отвергал ухищрения Наполеона и доводил их до сведения Государя, а Турки, благодаря Кутузову, наконец уверились, что помогать Наполеону

в его замыслах и содействовать его успехам значило бы стремиться к собственной пагубе, ибо никто не мог бы противиться ему на твердой земле, если бы он одолел Россию. Еще Нарбонн не возвращался в Дрезден, и отправленный к Лористону курьер не мог, по расчету времени, доехать до Петербурга, как вдруг, 9 Мая, Наполеон велел корпусам, стоявшим на Висле, готовиться к походу через Восточную Пруссию. С целью ввести Государя в заблуждение насчет их движения и отвлечь внимание Его Величества в противную сторону, приказал Наполеон Князю Шварценбергу распускать слухи, что 100 000 идут чрез Лемберг на Волынь, показывать вид, будто бы делаются распоряжения для сего марша, разглашать о направлении еще одной армии через Трансильванию, в тыл бывшим на Дунае нашим войскам. Он велел Князю Шварценбергу именоваться командиром 1-го вспомогательного корпуса, дабы тем удостоверить Государя, что Австрия выставляет не один, но несколько корпусов. Вице-Королю Италийскому в Плоцке и Вестфальскому Королю в Варшаве дано знать о принятии, по-видимому, таких мер, из которых можно было заключить, будто главные силы Наполеона идут в Волынскую губернию. Для воспламенения Поляков и возбуждения их к жертвованиям в продолжение войны назначен в Варшаву Французским Послом Мехельнский Архиепископ Прадт. Данные ему наставления заключали в себе, по собственному его уверению, полный свод мятежнических правил, какими эфемерные правительства, бывшие во Франции со времени революции, волновали и до сих пор возмущают страсти народа и держат умы в беспрестанном брожении³¹. Как важное обстоятельство, объясняющее дальнейшие намерения Наполеона, в случае если бы нашествие на Россию кончилось успешно, должно заметить повеление, также данное Архиепископу, о сохранении доброго согласия с Пруссией и Австрией до известной поры, после чего не будет уже более надобности падать сии Державы. «Я иду в Москву, – сказал Наполеон Прадту, – и в одно или два сражения все кончу. Император Александр будет на коленях просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россию. Меня ждут там: Москва – сердце Империи; без России континентальная система есть пустая мечта»³².

При такой самоуверенности, при таких кичливых помыслах Наполеона, возвратился к нему из Вильны, 16 Мая, Граф Нарбонн с ответом, что Государь настаивает в требовании очистить Пруссию от Французской армии. Отдавая отчет в своем поручении, Нарбонн присовокупил, что еще «не заметил в Русских ни уныния, ни надменности. Государь изъявил ему сожаление о разрыве союза с Наполеоном, говоря, что не Он первый подал к тому повод, и хотя знает силу и дарования Наполеона, однако же при одном взгляде на карту России легко убедиться, что для обороны места станет. В заключение Император Александр объявил, что ни под каким видом не подпишет унижительного для России мира». Величие души, выражавшееся в сем ответе, не было постигнуто Наполеоном. Не верил он твердости Александра и за свое заблуждение заплатил сперва престолом, потом ссылкой. Выслушав Нарбонна, он решился не откладывать далее нашествие на Россию и на другой день, 17 Мая, в три часа утра, выехал из Дрездена в Торн. После его отъезда Дрезден опустел. Союзники Наполеона возвратились в свои владения, немногие с желанием ему побед, большая часть с тайной к нему ненавистью, но все в ожидании своей участи, зависевшей от развязки начинавшейся войны. Глубоко было унижение, до которого снизошли владетельные лица; однако же позволяем себе думать, что находились между ними завидовавшие в глубине души славным опасностям, предстоявшим Императору Александру, и желание быть на месте Того, Кто ополчался один за всех.

В то время когда Наполеон, ожидая в Дрездене ответа из Вильны, окруженный раболепными союзниками, предавался обаянию счастливого победителя, Александр был в Вильне один, среди верных Своих дружин. Дрезден и Вильна представляли совершенную между собой противоположность. На берегах Эльбы шумные, великолепные пиршества, театральные пред-

³¹ Pradt, Histoire de l'ambassade dans le grand duche de Varsovie, 70.

³² Ibid., 57.

ставления, для которых привезены были лучшие актеры из Парижа, а на берегах Вильны все тихо, спокойно, как чистая совесть Того, Кто, оставленный всеми на произвол собственных сил Своих, отдавал последние повеления об отпоре грозного нашествия. Армии, в полной готовности встретить неприятеля, занимали следующее расположение. 1-я, Барклая-де-Толли, стояла вправо и влево от Вильны, следующим образом: 1 корпус, Графа Витгенштейна, в Россиене и Кейданах; авангард, под командой Кульнева, в Юрбурге. 2 корпус, Багговута, между Свентой и Вилией, упираясь левым флангом в село Оржишки; авангард, под командой Всеволожского, при Янове. 3 корпус, Тучкова 1-го, при Троках; авангард, под командой Князя Шаховского, в Высоком Дворе. 4 корпус, Графа Шувалова, в Олькениках; авангард, под начальством Дорохова, в Оранах. 6 корпус, Дохтурова, и 3 резервный кавалерийский, Графа Палена, у Лиды; авангард, под начальством Графа Палена, в Лебюде. 5 корпус, гвардии, Цесаревича Великого Князя Константина Павловича, в Свенцянах. 1 резервный кавалерийский корпус, Уварова, в Вилькомире. 2 резервный кавалерийский корпус, Барона Корфа, в Сморгонах. 2-я армия, Князя Багратиона, расположена была так: 8 корпус, Бороздина, у Волковиска. 7, Раевского, у Нового Двора. 4 резервный кавалерийский, Графа Сиверса, у Зельвы. 3-я армия, Тормасова, стояла у Луцка. 16 казачьих полков, собранных в отдельный корпус, под начальством Войскового Атамана Платова, в Гродно. Для защиты Припяти был в Мозыре корпус Эртеля, из запасных батальонов и эскадронов, и 3 казачьих полков, всего 9500 человек.

Причиной пространного размещения наших армий была позиция войск Наполеона, стоявших от Кенигсберга до Люблина, почему и нельзя было предугадать, в каком месте вторгнутся они в Россию, ибо на поход от Вислы к Неману могли они с одинаковой удобностью сосредоточиться на любом пункте между Тильзитом и Брестом. Такое расположение неприятеля не позволяло соединить Русские армии на одну какую-либо точку границ наших. Судя по местности, полагали, что Наполеон устремится на Вильну, как то и действительно случилось. Поэтому, при вторжении неприятеля, 1-я армия должна была собраться в окрестностях Свенцяна, находившихся почти в равном расстоянии от России и Кейдан, где было правое крыло армии, или корпус Графа Витгенштейна, и от Лиды, где стояло левое крыло, или корпус Дохтурова. Корпусные командиры получили предварительные приказания, по какому пути отходить на сборное место, когда неприятель переправится, однако не отступать прежде получения на то повеления. Только Графу Витгенштейну разрешено было начать отступательное движение по собственному усмотрению, в двух случаях: 1) если бы неприятель обратил большие силы против его правого крыла и 2) если бы стоявший левее от него корпус Багговута принужденным нашелся податься назад³³. Корпусам 1-й армии назначалось отходить по следующим направлениям: Графу Витгенштейну из Кейдан к Содоку, Уварову от Вилькомира к Полушу, Багговуту от Оржишек к Колтынянам, Тучкову от Высокого Двора и Графу Шувалову от Олькеник к Свенцянам, Корфу из Сморгон к Константинову, Дохтурову из Лиды к Кобыльникам. Итак, по переправе неприятеля через Неман 1-я армия должна была, отступив, занять центром Свенцяны, правым флангом упираться к Солоку, левым к Кобыльникам и в этом положении ожидать, что укажут обстоятельства, решиться ли на сражение или отступать. Распоряжения для прочих войск заключались в следующем: 1) Платову с казаками действовать из Гродно во фланг и тыл неприятельских корпусов, которые станут переправляться чрез Неман. 2) В подкрепление Платову назначалась 2-я армия, Князя Багратиона. 3) Тормасов должен был наблюдать движения неприятелей и, если бы они обратились на него в превосходных силах, отступать к Киеву; если же неприятель будет против него в незначительном числе, идти к Пинску, усилить себя корпусом Эртеля, стоявшим у Мозыря, и действовать в правый фланг тем непри-

³³ Повеление Графу Витгенштейну, от 8 Июня, № 262.

ягельским войскам, которые обратятся против Князя Багратиона. В таком случае Тормасову предписано было оставить Сакена у Старого Константинова, для наблюдения над Галицией³⁴.

Таковы были главные черты операционного плана, по которому, как в оборонительной войне иначе и быть не может, надлежало сообразовываться с движениями неприятеля. Каждая из армий, против которой появился бы неприятель с превосходными силами, должна была, в отдаленности от основания своих способов, избегать важных и решительных сражений, отступая мало-помалу. Между тем другая армия, против которой не нашлось бы столь сильного неприятеля, должна была с решительностью подвигаться вперед, принуждать к отступлению все сопротивляющиеся ей силы и действовать отрядами во фланг и тыл сильнейшего неприятеля. Армиям велено было, во всех возможных случаях, взаимно оказывать одна другой вспомоществование. Государь приказал корпусным командирам быть в непрерывной связи с теми войсками, которые от каждого из них стояли вправо и влево, беспрестанно посылать вдоль границ разъезды и обо всем, что случится в местах расположения их, доносить в главную квартиру и извещать ближних генералов. Он запретил главнокомандующим и корпусным командирам подавать повод к неприязненным действиям, задирать неприятеля, переходить на левый берег Немана; но велел с оружием в руках встретить войска Наполеона, коль скоро сделают они явственное нападение. При переправе их через Неман приказано препятствовать их намерению, слабого неприятеля бить и уничтожать, а от сильнейшего отступать по данному направлению и, отходя назад, на каждом шагу ставить препятствия, портить дороги, истреблять гати и мосты, делать засеки.

При отступлении приказано уводить с собой всех земских чиновников, которые могли бы дать хотя малое понятие неприятелю о состоянии края или посредством коих он мог бы делать реквизиции и взимать налоги. Назначено также увозить из архивов описи, инвентарии и всякого рода статистические сведения. Казенные деньги и имущество из пограничных таможен и почтовых контор отправлены в Вильну, Киев и Житомир; ненужные артиллерийские и комиссариатские вещи препровождены из Вильны в Смоленск; полковые тяжести заблаговременно отосланы назад. Во всей армии продолжались инспекторские смотры. Губерниям Курляндской, Виленской, Минской, Гродненской, Киевской, Волынской, Подольской и областям Белостокской и Тарнопольской повелено состоять под непосредственным ведомством главнокомандующих армиями. Первые четыре из упомянутых губерний и Белостокская область составили военный округ 1-й армии, а последние три, с областью Тарнопольской, военный округ 2-й армии. Везде, где предполагались военные действия, учреждены были обильные магазины. Линии запасов шли от Немана с одной стороны к Двине и Великим Лукам, с другой – к Волынской и Минской губерниям³⁵. В течение Апреля и Мая с величайшей деятельностью продолжали укреплять Киев и особенно Ригу. Укрепляли также Борисов, с целью прикрыть Смоленскую дорогу и служить сообщением между Бобруйском и Динабургом, заложенными в 1810 году. Строили укрепленные лагеря близ Киева и на левом берегу Двины, у Дриссы. Для обеспечения соединения 1-й и 2-й армий укрепляли местечко Мосты на Немане, работали над тет-де-поном при Сельцах. О дальнейшем отступлении во внутренность Империи не было и помышления. Оно совсем не входило в соображение при начале войны. «Надеюсь, что Бог помилует нас от отступления», – писал к Князю Багратиону Барклай-де-Толли³⁶. Перенесение театра войны в сердце России произошло не от намерения, заранее принятого, но было следствием обстоятельств.

³⁴ Повеление Тормасову, от 9 Июня, № 263.

³⁵ 25 855 четвертей муки, 58 446 круп и 774 080 овса были запасены в Риге, Динабурге, Дриссе, Дисне, Великих Луках, Бобруйске, Рогачеве, Киеве, Шавле, Вильне, Вилькомире, Свенцянах, Гродно, Бресте, Слониме, Слуцке, Пинске, Мозыре, Старом Константинове, Житомире, Заславе, Остроге, Дубно, Луцке, Ковле, Сосницах, Трубчевске.

³⁶ Отношение Барклая-де-Толли к Князю Багратиону, от 10 Апреля.

Вторжение Наполеона в Россию

Вопросы, долженствовавшие решиться в Отечественной войне. – Ожидания Европы. – Нравственное состояние России. – Воззрение Государя на войну. – Приближение неприятельских войск к России. – Ускоренное движение их по Восточной Пруссии и Варшавскому Герцогству. – Приказ Наполеона к войскам. – Расположение неприятелей накануне вторжения и исчисление их. – Переправа неприятелей через Неман.

Народы Европы с трепетным ожиданием взирали на возгоравшуюся войну. Они желали ее и вместе страшились, потому что война сия должна была освободить их от ига или довершить всемирное владычество Наполеона. Покорение России было преддверием к величайшим изменениям, которые когда-либо предстояли просвещенному Миру. На полях нашего отечества надлежало решиться вопросам о гражданской и политической жизни Государства. Быть ли каждому из них управляемому собственными законами или уложением Наполеона? Иметь ли каждому свою монету, вес, меры или принять меры, вес и монету, введенные во Францию? Отправлять ли торговлю путями, начертанными природой и взаимными потребностями народов, или подчинить себя самоуправству Французских таможенных постановлений? Быть ли Царствам самостоятельными или превратиться всем Европейским странам в одну общую страну, с одной общей столицей – Парижем? Оставаться ли древним Царственным Поколениям на своих вековых престолах или уступить их родоначальникам новых Монархий – маршалам Наполеона и Корсиканским выходцам? Существовать ли между Державами равновесию, которое три столетия обеспечивало их независимость, или вместо него быть безусловному владычеству прихотей завоевателя? Признавать ли законность престолов, как происходящую от власти Божией, или отбросить сие спасительное верование и взирать на венцы Царей как на добычу, доступную праву силы?

Одна Россия являлась оплотом, преграждавшим поток всеразрушительных правил, удерживала стремление быстрой реки, надменной тысячью поглощенных ей источников. От Александра ждала Европа спасения; но между тем как втайне она воссылала мольбы об успехах Его в предстоявшей брани, выставляла она полки под знамена Наполеона. Трудно описать, сколь велико было сореживание в его армиях участвовать в нашествии на Россию. Французы полагали, что война 1812 года будет последней, предпринимаемою Наполеоном, и тот из них, кого не назначали в армию, собиравшуюся на Одере и Висле, почитал себя несчастливym, навсегда лишенным блистательной будущности. Владетели Рейнского Союза и другие данники Наполеона знали, что только беспрекословной покорностью к завоевателю могли они некоторым образом обеспечить свое бытие, а потому войска их, кроме весьма малых изъятий, шли в Россию, готовые сражаться за Наполеона до последней капли крови. Ни Наполеон, ни полчища его не сомневались в победе, обрекали Россию на верную погибель, дробили и делили ее в мыслях, смотрели на поход как на торжественное шествие в Петербург и Москву.

В России желание войны было почти общее. Немногие постигали важные выгоды, приобретенные Тильзитским миром, следствием которого было присоединение к России Белостокской области и Финляндии. Происшедшая после сего мира остановка в торговле, затруднение в сбыте произведений за море, препятствия в денежных оборотах считались действием принуждения, угождений Наполеону, неудач военных. Роптало оскорбленное самолюбие великой Империи, издавна оглашаемой одними победными кликами. Радовались, что Правительство принимало деятельные меры к войне: рекрутские наборы производились с неимоверным успехом. Но какое-то всеобщее недоумение распространилось повсюду, когда приблизился час борьбы с тем исполином, чьи подвиги гремели даже в самых отдаленных концах России: то

не был страх, но беспокойство, весьма понятное в Государстве, только по преданиям глубокой старины знавшем о нашествиях неприятельских.

Кто не жил во время Наполеона, тот не может вообразить себе степени его нравственного могущества, действовавшего на умы современников. Имя его было известно каждому и заключало в себе какое-то безотчетное понятие о силе безо всяких границ. К воинской славе Наполеона, наполнявшей воображение всех, присоединились необыкновенные явления в природе. Читаем в летописях наших, что перед вторжением Татар в Россию солнце и луна изменяли вид свой и небо, чудесными знаменами, как будто предуведомляло землю о грядущем горе. Так и перед Отечественной войной: только и слышно было о наводнениях, вихрях, пожарах. Киев, Саратов, Астрахань, Брянск, Рига, Архангельск, Кронштадт гибли от огня; дым пепелищ их мешался с дымом горевших лесов и земли. Общая молва приписывала сии бедствия рассыльщикам Наполеона. И в самом деле, в некоторых местах, как, например, в Подольской губернии, были пойманы шайки зажигателей. В Смоленске, Могилеве, Севастополе ловили Французских шпионов, которые осматривали и описывали Россию, выдавая себя за учителей, врачей, художников. Говорили в народе, что через ряды пылающих городов, селений и храмов Божьих Наполеон хотел внести в Россию оковы вечного рабства. Все были в ожидании чего-то чрезвычайного. На небе явилась комета. Простолюдины, глядя на бродящую в небесах звезду и огромный хвост ее, говорили: «Пометит беда землю Русскую!» Среди общей уверенности Европы в том, что Наполеон останется победителем, и среди недоумения России не колебался – только АЛЕКСАНДР. Может быть, некоторыми снисхождениями к желаниям Наполеона Он успел бы на короткое время отдалить войну; но отсрочка была бы непродолжительна. Одна уступка повлекла бы за собой другую, и кто мог указать, где кончились бы угодения тому, кто не был в состоянии превозмочь обуревавшей его страсти к завоеваниям, почитал для себя Европу слишком тесной? Оставалось поникнуть перед ним главой или вступить с ним в бой на жизнь и смерть. Александр избрал последнее. Один, без союзников, с теплой верой в Бога, с беспредельной доверенностью к Своему народу, не уклонился Он от войны с непобедимым дотоле завоевателем. Не для собственной только защиты извлекал Александр меч: Он хотел стать за независимость Держав, за права угнетенного человечества. С этой точки зрения смотрел Он на войну и требовал, чтобы в этом смысле понимали ее те, которых назначал Он быть исполнителями Своих предначертаний. Когда уже нельзя было сомневаться в разрыве с Наполеоном, Император писал собственноручно к Главнокомандующему первой армией: «Прошу вас, не робейте перед затруднениями, полагайтесь на провидение Божие и Его правосудие. Не унывайте; но укрепите вашу душу великой целью, к которой мы стремимся: избавить человечество от ига, под коим оно стонет, и освободить Европу от цепей».

Так мыслил Император Александр, ожидая нашествия двадцати народов. В это самое время Наполеон, отправившись из Дрездена, быстро следовал чрез Глогау и Позен к берегам Вислы. В Торне дал он окончательное повеление войскам идти к границам России. Одни направились чрез Эльбинг и Кенигсберг к Ковно, другие к Белостоку и Гродно. Потом ездил он на четыре дня в Данциг, который, со времени Тильзитского мира, был укрепляем им с особенным тщанием, как опора вооружений против России и складочное место для его армии. 29 Мая Наполеон прибыл в Кенигсберг, где занялся устройством продовольствия. Все сухопутные дороги, ведущие из Пруссии к нашим границам, покрыты были обозами с амуницией, госпитальными вещами и всякого рода запасами и снарядами, которые также были везены на судах по Висле, Фриш-Гафу, Прегелю и каналам в Восточной Пруссии. За каждым полком следовали большие обозы, запряженные лошадьми и волами, и стада рогатого скота. Наполеон особенно заботился, чтобы при войсках было сколь можно более припасов, которые, как равно и имевшийся на людях провиант, запрещено расходовать до переправы через Неман. На походе войска долженствовали получать продовольствие от жителей. В повелениях корпусным командирам неоднократно повторялось: «надобно, чтобы все повозки, какие вы собрать

можете, были наполнены мукой, печеным хлебом, пшеном, водкой, всем, что для госпиталей нужно. Для приобретения победы мне понадобится собрать на одном пункте до 400 000 человек, и следственно, в таком случае, нельзя надеяться на пособие страны: все должно иметь с собой, а в исполнение сих повелений, лошади, рогатый скот, повозки, хлеб Пруссии и Варшавского Герцогства обираемы были беспощадно». Поселян принуждали везти последние остатки их имущества вслед за полками, предававшимися грабежу. Намереваясь захватить Русскую армию врасплох, Наполеон почитал насильственные средства необходимыми. Все это делалось на походе, на бегу, в торопливости, отчего край подвергался разорению, безнравственность в войсках увеличилась, а между тем тяжелые обозы начали отставать и не достигали Немана. Крестьяне, насильно взятые в погонщики, стали бегать, уводя с собой лошадей. Погонщиков заменяли солдатами из Фронта, которые поморили лошадей, по непривычке обращаться с ними. Экипажи Наполеона, в прежние войны ограниченные самым необходимым числом, теперь состояли из множества карет, колясок, фургонов, выучных лошадей и лошаков, нагруженных всеми возможными припасами, даже предметами самой прихотливой роскоши. Генералы и частные начальники подражали своему повелителю. Идя в Россию, они истощали свое воображение, чтобы в этой, неведомой для них стране, в степях наших, как они говорили, не встретить в чем-либо недостатка. Цепь несметных неприятельских обозов, подобно саранче, истребляла все, что встречалось на ее пути.

Неприятельские войска час от часу более и более скоплялись на Немане. О беспрестанном умножении их и приготовлениях к переправе показывали лазутчики, беглецы, наконец, и наши передовые цепи. Нам видно было, как неприятели свозили лес и барки и усиливали вдоль реки разъезды. На многих местах пробовали они глубину Немана, под видом купания, и доходили до половины реки. В Мерече, на вопрос нашего пикета, для чего они это делают, Поляки отвечали, что, переправившись чрез Неман, скажут причину. В ночное время слышны были с Русского берега движения, бряцанье сабель, топот и ржание лошадей, крики погонщиков. Только нельзя было знать точного направления неприятелей, потому что они ходили то вверх, то вниз по реке, в разных местах делали обзоры и съемки и расширяли дороги. У нас усугубили надзор, подтверждая, чтобы пикеты и разъезды смотрели зорче. Парламентеров запретили пропускать в главные квартиры и велели отбирать от них депеши, а переговорщиков оставлять на передовых цепях до получения ответа. Без письменных видов от главнокомандующего не разрешали въезда из-за границы и выезда из России. Береговым жителям дозволили производить рыбную ловлю только для их пропитания, да и то возле нашего берега, с подтверждением не выезжать на середину реки. Со 2 Июня остановили ход почты в чужие края, и всякое сообщение с противоположным берегом Немана прекратилось.

Восточная Пруссия и Варшавское Герцогство были наводнены войском. Выехал и Наполеон из Кенигсберга через Велау и Инстербург в Гумбинен, где получил из Петербурга донесение от Лористона, что ему отказано в дозволении приехать в Вильну и вместо того дано знать от Российского Министерства Иностранных Дел, чтобы он свои требования изложил письменно. Вот обстоятельство, которое, равно как требование Князем Куракиным паспортов для выезда из Парижа, было принято Наполеоном за достаточную причину вторгнуться в Россию без объявления войны. «Дело решено, – сказал он. – Русские, которых мы всегда побеждали, принимают на себя вид победителей. Они вызывают нас, за что, конечно, впоследствии придется нам благодарить их. Останавливаться на пути – значит не пользоваться благоприятным случаем, который нам предоставляется. Отказ Лористону прекращает мою мнительность и избавляет нас от непростительной ошибки. Почтем за милость, что нас принуждают к войне; перейдем Неман»³⁷. Наполеон приказал выдать Князю Куракину пропуск для проезда за границу и написать Лористону, чтобы и он потребовал себе паспортов. Потом разослал повеления

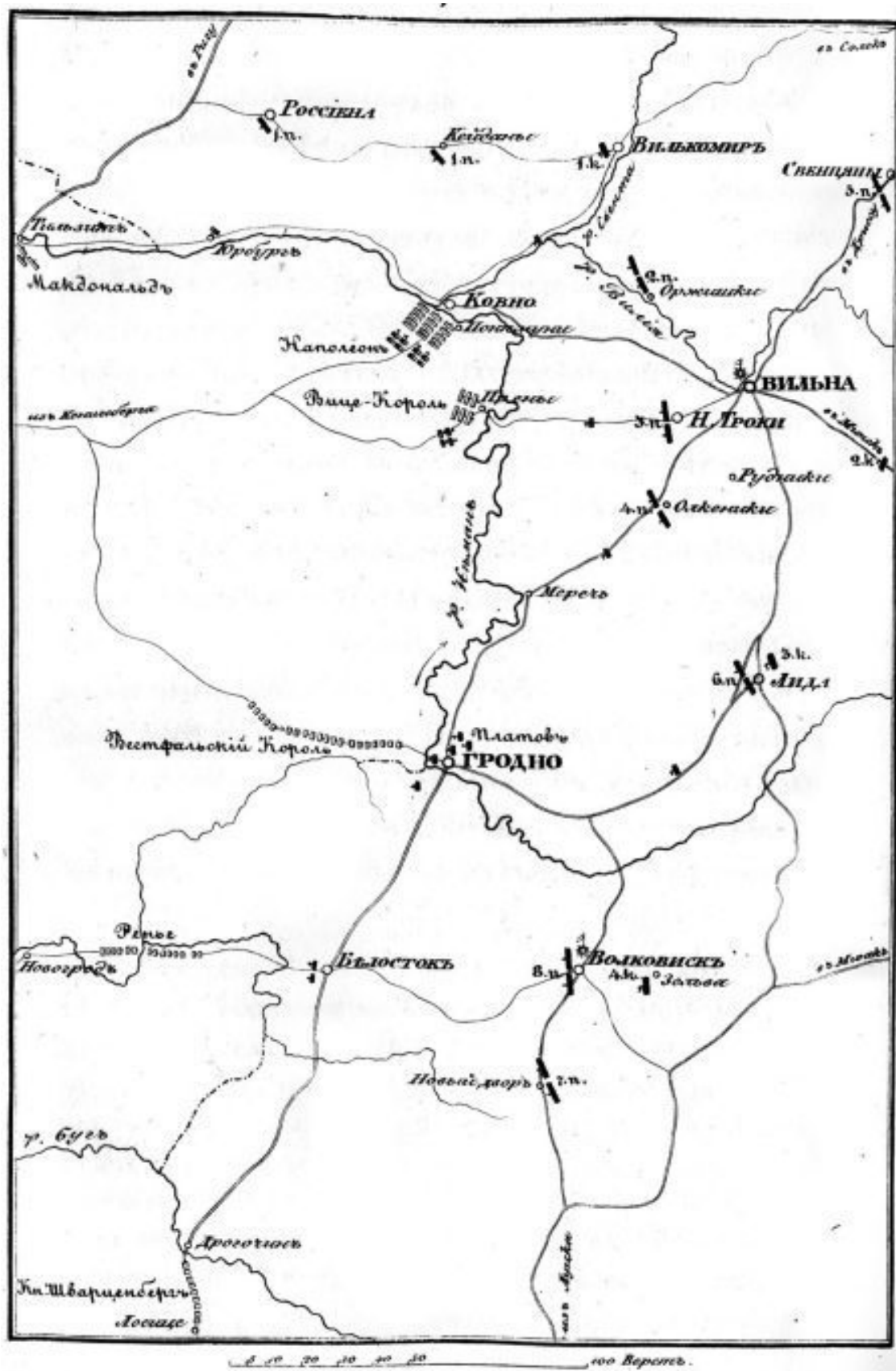
³⁷ Fair, Manuscrit de 1812, I, 79.

корпусным командирам об ускорении марша, и без того поспешного, и отправился в Вильковский, где продиктовал следующий приказ: «Солдаты! Вторая война Польская началась. Первая кончилась под Фридландом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои и не хочет дать никакого изъяснения о странном поведении своем, пока орлы Французские не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Россия увлекается роком! Судьба ее должна исполниться. Не почитает ли она нас изменившимися? Разве мы уже не воины Аустерлица? Россия поставляет нас между бесчестьем и войной. Выбор не будет сомнителен. Пойдем же вперед! Перейдем Неман, внесем войну в Русские пределы. Вторая Польская война, подобно первой, прославит оружие Французское; но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец пятидесятилетнему кичливому влиянию России на дела Европы».

Приказ был разослан не по всей армии. Наполеон запретил отдавать его в двух вспомогательных корпусах: Австрийском и Прусском. Он полагал, что восторженные слова его не произведут желаемого действия на сих союзников, в искренности коих он сомневался. Князю Шварценбергу и Макдональду велено в простых выражениях известить корпуса о начале неприятельских действий. Макдональд исполнил волю Наполеона в следующем приказе, объявленном Прусскому корпусу: «Россия желает войны, и война началась. Великая армия, к которой вы принадлежите, видит вас с удовольствием в своих рядах. Наши Монархи доверяют вашей храбрости; они следят за вашими действиями и готовят вам хвалы и награды».

11 Июня, после обнародования приказа, Наполеон выехал из Вильковского по дороге к Ковно. Армия его занимала следующие места: на левом крыле, в Тильзите, Макдональд; в центре, против Ковно, Наполеон с гвардией, тремя пехотными корпусами: Даву, Нея и Удино, и двумя кавалерийскими: Нансути и Монбрена. Правее от него, на марше к Пренам, Вице-Король, с двумя пехотными корпусами, своим и Сен-Сира, и кавалерийским Груши. К Гродно и Белостоку приближался Король Вестфальский, с тремя пехотными корпусами: Понятовского, Ренье и Вандама – и кавалерийским Латур-Мобура. На оконечности правого крыла, к Дрогочину, подходил Князь Шварценберг с Австрийцами.

План военных действий Наполеона заключался в следующем: 1) Сам Наполеон, с гвардией и корпусами: Даву, Удино, Нея, Нансути и Монбрена, всего 250 000 человек, хотел устремиться из Ковно на Вильну, чтобы внезапным нападением на центр 1-й армии разбить ее, прежде нежели успеет она соединиться. 2) Брат его, Вестфальский Король, с корпусами Понятовского, Ренье, Вандама и Латур-Мобура, всего 80 000 человек, должен был из Гродно произвести такое же движение против 2-й армии. 3) Пасынок его, Вице-Король Италийский, с корпусами, своим, Сен-Сира и Груши, всего 80 000 человек, направлялся на Новые Троки и Рудники, чтобы врезаться между двумя нашими армиями, пресечь взаимное между ними сообщение, не дать им соединиться и, в случае сражения при Вильне, примкнуть к Наполеону. 4) На оконечности левого фланга, велено Макдональду с 30 000 переправиться у Тильзита и угрожать нашему правому крылу. 5) Князь Шварценберг с 30 000-ным корпусом должен был переправиться у Дрогочина, идти на Слоним и там, судя по обстоятельствам, или обратиться против Князя Багратиона, или заслонить от Тормасова путь действий главной неприятельской армии.

Во всех неприятельских корпусах, назначенных для первоначального вторжения в Россию, было под ружьем 477 000 человек, в том числе 80 000 конницы³⁸. В этот счет не входили: 1)

³⁸ Rogniat, Reponse aux Notes critiques de Napoleon, 187. – Chambray, Histoire de l'Expedition de Russie, I, 169.

нестроевые; 2) маршевые батальоны, следовавшие в Россию из Франции и других подвластных Наполеону Государств; 3) два пехотных корпуса, остававшиеся позади: 9 Виктора, который в то время подходил к Висле, и 11 Ожеро, стоявший в Берлине, для наблюдения за спокойствием в северной Германии и предохранения ее от какой-либо высадки Наполеоновых неприятелей. Незирая на то что 11 Июня корпуса Вице-Короля не дошли еще до Немана и находились у Олецка, а корпуса Короля Вестфальского у Новгорода, Наполеон решился открыть военные действия с теми силами, которые были соединены против Ковно. Он не хотел дожидаться прибытия брата своего и пасынка, рассчитывая, что если поспешить переправой через Неман с 250 000 человек, собранными у Ковно, то успеет разбить порознь разобщенные корпуса нашей 1-й армии.

Передовые неприятельские разъезды в разных местах были на самом берегу Немана. Вдруг к одному из них, на всем скаку запыхавшихся лошадей, подъехала сопровождаемая двумя всадниками карета и остановилась посреди биваков одного Польского конного полка. Из кареты вышел Наполеон со своим начальником Главного Штаба Бертье. Оба сбросили с себя мундиры. Наполеон надел сюртук и фуражку Польского полковника Поговского и вместе с Бертье, тоже переодевшимся, поехал по направлению к Ковно, от коего биваки были расположены в одном пушечном выстреле. Он сошел с лошади и долго осматривал окрестность. Через несколько часов предпринял он вторичное обозрение, с Инженерным Генералом Аксо, и потом приказал, чтобы к вечеру начинали наводить три моста на Неман между Ковно и Понемунями.

На этом пространстве, почти возле самого Немана, стояли пехота, конница и артиллерия, в густых, необозримых колоннах. Запрещено было разводить огни и велено хранить величайшую тишину, чтобы никакой бивачный дым, никакой шум не изменили присутствию неприятельских сил на рубеже России. Солнце село; наступила темнота, и Наполеон прибыл к Неману руководствовать переправой. При нем пущены понтоны на воду, и 500 Поляков 13-го полка отчалили от берега на лодках. Они заняли лежавшую на нашей стороне небольшую деревню. Тут был лейб-казацкий разъезд. Начальник его, Жмурин, поскакал донести командиру полка Графу Орлову-Денисову о переправе неприятелей и испрашивал приказаний: ударить ли на них или отступить? Разъезду велено собраться и отойти назад; о произошедшем посланы донесения. Между лейб-казаками и Поляками произошло несколько ружейных и пистолетных выстрелов. Гул их огласил песчаные берега Немана. Так началась война, которая должна была превзойти все войны, какие когда-либо освещало солнце.

Мосты были наведены в несколько часов и после полуночи, 12 Июня, заколыхались под тяжестью полчищ, и сотой доли коих не суждено было возвратиться на родину, увидеть отеческий кров. С выражением радости смотрел Наполеон несколько времени на переправлявшиеся войска. Потом переехал он сам на наш берег. Проскакав верст 5 по сыпучему песку и печальному еловому лесу и не найдя никакого следа Русских войск, он возвратился к Неману. Пошел проливной дождь, и хотя не остановил движения колонн, но испортил дороги, замедлил переправу. На следующее утро, 13 Июня, Французский авангард занял Ковно без сопротивления: казачий разъезд, там находившийся, отступил и сжег мост на Вильну. Под вечер Наполеон прибыл в Ковно, где имел первый ночлег на Русской земле.

От вторжения неприятелей в Россию до отступления русских от Вильны

Распоряжения на случай вторжения неприятельского. – Высочайшие повеления при вторжении Наполеона. – Приказ армиям. – Рескрипт Графу Салтыкову. – Письма Государя к Графу Салтыкову и к Шведскому Наследному Принцу. – Отправление Балашева к Наполеону. – Отъезд Государя из Вильны в Свенцяны. – Отступление 1-й армии. – Движение неприятеля из Ковно. – Очищение Вильны Русскими войсками. – Вступление Наполеона в Вильну.

Близость вторжения Наполеона в пределы России не была сокрыта от Государя. Его Величество знал, что на великое пространство левого берега Немана налегли, как черные тучи, войска неприятельские и что в самом скором времени хотел Наполеон переправляться. 10 Июня Государь писал Графу Салтыкову: «Ежечасно ожидаем быть атакованы. С полной надеждой на Всевышнего и на храбрость Российских войск, готовимся отразить неприятеля». Прошел еще день. Настало 12 Июня. Поутру Император получил донесение о намерении неприятелей переходить немедленно через Неман. Тотчас велено: Платову ударить во Фланг их, как скоро они переправятся³⁹; Князю Багратиону поддерживать Платова⁴⁰; Литовскому Военному Губернатору отправить из Вильны внутрь Империи казенные деньги, архивы, планы⁴¹. Три повеления сии начинались следующими словами, которые совершенно опровергают укоренившееся ложное мнение, будто Наполеон застал нашу армию врасплох: «Все силы Наполеона сосредоточены между Ковно и Меречем, и сего числа ожидается переправа неприятеля чрез Неман».

Для прочих лиц, находившихся в главной квартире, близость неминуемой войны была тайной. Даже окружавшие Государя не знали, что уже пробил час развязки. Как глубокая тишина предшествует бурным явлениям природы, так в самый день 12 Июня, когда должно было совершиться одно из величайших по своим последствиям событий, в Вильне все было спокойно. Проведя несколько недель в тщетном ожидании нашествия неприятельского, привыкли к мысли, что еще не скоро грянет военная гроза. Скучая единообразной жизнью, Генерал-Адъютанты просили Его Величество удостоить Своим присутствием приготовленный ими в тот день бал в Закрете, загородном доме Генерала Беннигсена. Император принял приглашение. Во время бала приехал курьер с донесением, что неприятели наводят мосты на Неман. Министр Полиции Балашев, к которому явился курьер, тихонько доложил Государю о полученном известии. Император приказал Балашеву хранить его в тайне. Бал длился еще около часа. Никто не догадывался о важности привезенного донесения.

Большая часть ночи с 12-го на 13-е проведена Государем в трудах и без сна. Ему одному предлежало поднять исполинское бремя защиты Империи и прав человечества. Сперва занимался Государь с Главнокомандующим 1-й армии Барклаем-де-Толли, который был и Военным Министром. По выходе от Его Величества Барклай-де-Толли писал ко всем корпусным командирам следующее: «Неприятель переправился близ Ковно, и армия сосредоточивается за Вильной; почему предписывается вам начать тотчас отступление по данным вам повелениям»⁴². Платову и Князю Багратиону сообщено о немедленном начатии решительных действий⁴³. Потом Император послал за Государственным Секретарем Шишковым и сказал ему:

³⁹ Повеление Платову, от 12 Июня, № 287.

⁴⁰ Повеление Князю Багратиону, от 12 Июня, № 286.

⁴¹ Отношение Барклая-де-Толли к Литовскому Военному Губернатору Римскому-Корсакову, от 12 Июня, № 282.

⁴² От 12 Июня, № 290.

⁴³ От 12 Июня, № 291 и 292.

«Надобно теперь же написать приказ к войскам, а в Петербург к Графу Салтыкову о вступлении неприятеля в наши пределы. Скажи, что Я не помирюсь, покуда хоть один неприятельский воин будет оставаться в нашей земле». В сих словах содержится вся тайна того, каким образом Александр намеревался бороться с Наполеоном. В них видна высокая мысль Его, развитием коей была вся Отечественная война – погибнуть или победить! В них заключается и все совершившееся впоследствии: торжество Александра и падение Наполеона с неизмеримой высоты. Слова сии будут переходить из рода в род и с благоговением повторяться поздним потомством. Они должны служить назидательным уроком для грядущих времен, и, если бы Провидению угодно было когда-нибудь подвергнуть Отечество наше новому испытанию, если бы соединенная Европа, как в 1812 году, возмечтала поколебать Россию, народ Русский вспомнит слова Александра и бестрепетно пойдет на бой, повторяя их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.